

ОЛЯПКА. 4

2 Теринь
Олянке

ЗДРАВСТВУЙ ОЛЯПКА
Я МАЛЕНЬКАЯ
ДЕВОЧКА ВЕРА
Я НЕ УЧУСЬ
НО УЖЕ ГОТОВ-
НА СТАТЬ
УЧИЦЕЙ

Теринь
Олянке

Теринь
Олянке

Теринь
Олянке

1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025, 2026, 2027, 2028, 2029, 2030, 2031, 2032, 2033, 2034, 2035, 2036, 2037, 2038, 2039, 2040, 2041, 2042, 2043, 2044, 2045, 2046, 2047, 2048, 2049, 2050, 2051, 2052, 2053, 2054, 2055, 2056, 2057, 2058, 2059, 2060, 2061, 2062, 2063, 2064, 2065, 2066, 2067, 2068, 2069, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2079, 2080, 2081, 2082, 2083, 2084, 2085, 2086, 2087, 2088, 2089, 2090, 2091, 2092, 2093, 2094, 2095, 2096, 2097, 2098, 2099, 2100, 2101, 2102, 2103, 2104, 2105, 2106, 2107, 2108, 2109, 2110, 2111, 2112, 2113, 2114, 2115, 2116, 2117, 2118, 2119, 2120, 2121, 2122, 2123, 2124, 2125, 2126, 2127, 2128, 2129, 2130, 2131, 2132, 2133, 2134, 2135, 2136, 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2143, 2144, 2145, 2146, 2147, 2148, 2149, 2150, 2151, 2152, 2153, 2154, 2155, 2156, 2157, 2158, 2159, 2160, 2161, 2162, 2163, 2164, 2165, 2166, 2167, 2168, 2169, 2170, 2171, 2172, 2173, 2174, 2175, 2176, 2177, 2178, 2179, 2180, 2181, 2182, 2183, 2184, 2185, 2186, 2187, 2188, 2189, 2190, 2191, 2192, 2193, 2194, 2195, 2196, 2197, 2198, 2199, 2200, 2201, 2202, 2203, 2204, 2205, 2206, 2207, 2208, 2209, 2210, 2211, 2212, 2213, 2214, 2215, 2216, 2217, 2218, 2219, 2220, 2221, 2222, 2223, 2224, 2225, 2226, 2227, 2228, 2229, 2230, 2231, 2232, 2233, 2234, 2235, 2236, 2237, 2238, 2239, 2240, 2241, 2242, 2243, 2244, 2245, 2246, 2247, 2248, 2249, 2250, 2251, 2252, 2253, 2254, 2255, 2256, 2257, 2258, 2259, 2260, 2261, 2262, 2263, 2264, 2265, 2266, 2267, 2268, 2269, 2270, 2271, 2272, 2273, 2274, 2275, 2276, 2277, 2278, 2279, 2280, 2281, 2282, 2283, 2284, 2285, 2286, 2287, 2288, 2289, 2290, 2291, 2292, 2293, 2294, 2295, 2296, 2297, 2298, 2299, 2300, 2301, 2302, 2303, 2304, 2305, 2306, 2307, 2308, 2309, 2310, 2311, 2312, 2313, 2314, 2315, 2316, 2317, 2318, 2319, 2320, 2321, 2322, 2323, 2324, 2325, 2326, 2327, 2328, 2329, 2330, 2331, 2332, 2333, 2334, 2335, 2336, 2337, 2338, 2339, 2340, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2346, 2347, 2348, 2349, 2350, 2351, 2352, 2353, 2354, 2355, 2356, 2357, 2358, 2359, 2360, 2361, 2362, 2363, 2364, 2365, 2366, 2367, 2368, 2369, 2370, 2371, 2372, 2373, 2374, 2375, 2376, 2377, 2378, 2379, 2380, 2381, 2382, 2383, 2384, 2385, 2386, 2387, 2388, 2389, 2390, 2391, 2392, 2393, 2394, 2395, 2396, 2397, 2398, 2399, 2400, 2401, 2402, 2403, 2404, 2405, 2406, 2407, 2408, 2409, 2410, 2411, 2412, 2413, 2414, 2415, 2416, 2417, 2418, 2419, 2420, 2421, 2422, 2423, 2424, 2425, 2426, 2427, 2428, 2429, 2430, 2431, 2432, 2433, 2434, 2435, 2436, 2437, 2438, 2439, 2440, 2441, 2442, 2443, 2444, 2445, 2446, 2447, 2448, 2449, 2450, 2451, 2452, 2453, 2454, 2455, 2456, 2457, 2458, 2459, 2460, 2461, 2462, 2463, 2464, 2465, 2466, 2467, 2468, 2469, 2470, 2471, 2472, 2473, 2474, 2475, 2476, 2477, 2478, 2479, 2480, 2481, 2482, 2483, 2484, 2485, 2486, 2487, 2488, 2489, 2490, 2491, 2492, 2493, 2494, 2495, 2496, 2497, 2498, 2499, 2500, 2501, 2502, 2503, 2504, 2505, 2506, 2507, 2508, 2509, 2510, 2511, 2512, 2513, 2514, 2515, 2516, 2517, 2518, 2519, 2520, 2521, 2522, 2523, 2524, 2525, 2526, 2527, 2528, 2529, 2530, 2531, 2532, 2533, 2534, 2535, 2536, 2537, 2538, 2539, 2540, 2541, 2542, 2543, 2544, 2545, 2546, 2547, 2548, 2549, 2550, 2551, 2552, 2553, 2554, 2555, 2556, 2557, 2558, 2559, 2560, 2561, 2562, 2563, 2564, 2565, 2566, 2567, 2568, 2569, 2570, 2571, 2572, 2573, 2574, 2575, 2576, 2577, 2578, 2579, 2580, 2581, 2582, 2583, 2584, 2585, 2586, 2587, 2588, 2589, 2590, 2591, 2592, 2593, 2594, 2595, 2596, 2597, 2598, 2599, 2600, 2601, 2602, 2603, 2604, 2605, 2606, 2607, 2608, 2609, 2610, 2611, 2612, 2613, 2614, 2615, 2616, 2617, 2618, 2619, 2620, 2621, 2622, 2623, 2624, 2625, 2626, 2627, 2628, 2629, 2630, 2631, 2632, 2633, 2634, 2635, 2636, 2637, 2638, 2639, 2640, 2641, 2642, 2643, 2644, 2645, 2646, 2647, 2648, 2649, 2650, 2651, 2652, 2653, 2654, 2655, 2656, 2657, 2658, 2659, 2660, 2661, 2662, 2663, 2664, 2665, 2666, 2667, 2668, 2669, 2670, 2671, 2672, 2673, 2674, 2675, 2676, 2677, 2678, 2679, 26

коня Волжигет
в жизни кем
буду когда
вырасту большой

[illegible]

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1970

КТО ЛЮБИТ

КНИЖКА ДЛЯ ТЕХ,

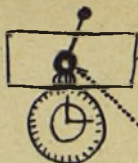

ВЕСЁЛЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ,

п 0-56

СТИХИ,

РАССКАЗЫ, СКАЗКИ,

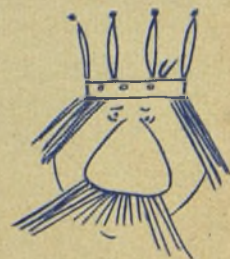
20398

Пермская
ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОЛЯПКА 4

ЗАГАДКИ И РИСУНКИ

Здравствуйте, ребята!

Это я, ваш старый друг Оляпка, снова с вами.

Все ли читали мои первые книжки? Все ли меня знают? Все ли меня помнят?

Нет? Тогда читайте стихотворение, которое так и называется — „Оляпка“.

ОЛЯПКА

Играли птицы в „ляпки“,
Вдруг чирик свистнул:
— Стой!
Не сможем мы оляпку
Заляпать под водой.
Наверное, ошибка
Считать её своей,
Наверно, это рыбка,
Пусть рыбы дружат с ней!

Играли рыбы в „ляпки“,
Взмутили всю реку.
Вдруг смотрят—
Нет оляпки.
Она на берегу!

— Оляпку по ошибке
Считали мы своей.
То птичка, а не рыбка,
Пусть птицы дружат с ней!..

Ворона и синица,
Щегол и дубонос:
— Ты рыба или птица?—
Ей задали вопрос.
И, гордо шаркнув лапкой,
Прищулив бойкий глаз,
Ответила оляпка:
— Я птица-водолаз!

Всё верно, всё так: я птичка-водолаз, любопытная и озорная, и по воздуху летаю, и по дну речному бегаю, и играть очень люблю в „ляпки“, в прятки, в жмурки—во что угодно.

Ну, вот, теперь вы всё про меня знаете. Больше я о себе рассказывать в этой книжке не стану. Зато про разных зверей, про мою дальнюю и близкую птичью родню рассказов, стихов и сказок вы найдёте здесь немало. И уж, конечно, про хороших людей. И про маленьких ребят, которые вырастут хорошими людьми—честными, смелыми, скромными и работающими.

А сочинили все эти стихи и рассказы, нарисовали эти рисунки тоже хорошие люди: писатели и художники. Имена многих из них вам знакомы.

Вот я скажу: „Аркадий Петрович Гайдар“. И те из вас, кто постарше, сразу вспомнят: „Голубая чашка“! „Военная тайна“! „Судьба барабанщика“! „Тимур и его команда“!..

Да, это книги, которые написал для ребят очень интересный писатель, очень храбрый боец, очень хороший человек—Гайдар. Совсем ещё мальчишкой он воевал за нашу Советскую власть в гражданскую войну, был тяжело ранен и из армии „списан вчистую“, как говорят военные.

Но вот на Родину напали фашисты—и Аркадий Петрович добился, чтобы его послали на фронт, если не бойцом, то хотя бы журналистом. И, конечно, всегда был в самых жарких местах. Так что чаще видели у него в руках не блокнот и карандаш, а винтовку или гранаты. В один очень тяжёлый день, выручая товарищей, Гайдар погиб. Но книжки его по-прежнему любит детвора, а светлую память о нём хранят и взрослые, и дети.

Здесь, в „Оляпке-4“, вы прочтёте два маленьких рассказа Аркадия Петровича Гайдара.

Аркадий Гайдар

СОВЕТСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Это был 1919 год—кажется, февраль. Мне только исполнилось пятнадцать лет.

И вот командующий, который, по добродушию, именовал меня то ординарцем, то адъютантом, сказал:

— Я уезжаю на Советскую площадь. Герой, не хмурься! Я взял бы и тебя, но в машине нет бензина, и я поеду верхом.

Но я уже знал, зачем торопятся войска на площадь. И вздрогнул и попросил:

— Товарищ командующий, мне горько! Разрешите и мне поехать верхом с вами?

Он предупредил:

— Смотри!

И я помчался на конюшню выбирать лошадь потише, потому что держался в седле я ещё совсем плохо.

Но все, что потише, были клячи убогие, дохловатые.

И мне оседлали высокого лукавого коня, который, едва очутился на площади, стал храпеть, крутить мордой и толкать крупом других...

И был митинг, и с балкона Моссовета выступали лучшие коммунисты многих стран.

И всадники зло поглядывали на меня, тихо бранились и украдкой шпыняли моего коня, кто носком сапога, а кто черенком плётки.

Вдруг вся площадь замерла, и на балкон вышел Ленин. Радостный, поднялся я на стремянах, но конь мой вздрогнул, захрапел, попятился...

И во время короткой речи Ленина все свои силы, всё невысокое умение я истратил только на то, чтобы конь мой хоть кое-как стоял смирно и если не мне, то хотя бы людям дал послушать то, что скажет великий вождь.

Но когда Ленин окончил говорить и площадь загремела музыкой и криками, то в гневе и в слезах жиганул я коня нагайкой, вылетел из строя и помчался куда глаза глядят по пустынным, занесённым сугробами улицам.

Больше я Ленина никогда не слышал и не видел.

Но в этот же день люди, кто как мог, речь его мне пересказали. А я задумался, отпросился у командующего и вскоре ушёл с его красноармейцами на фронт—в далёкую Двенадцатую армию.

ПОХОД

Ночью красноармеец принёс повестку. А на заре, когда Алька ещё спал, отец крепко поцеловал его и ушёл на войну—в поход.

Утром Алька рассердился, зачем его не разбудили, и тут же заявил, что и он хочет идти в поход тоже. Он, вероятно бы, закричал, заплакал. Но совсем неожиданно мать ему в поход идти разрешила.

И вот для того чтобы набрать перед дорогой силы, Алька съел без каприза полную тарелку каши, выпил молока. А потом они с матерью сели готовить походное снаряжение. Мать шила ему штаны, а он, сидя на полу, выстругивал себе из доски саблю. И тут же, за работой, разучивали они походные марши, потому что с такой песней, как „В лесу родилась ёлочка“, никуда далеко не зашагаешь. И мотив

не тот, и слова не такие, в общем, эта мелодия для боя совсем неподходящая.

Но вот пришло время матери идти дежурить на работу, и дела свои они отложили на завтра.

И так день за днём готовили Альку в далёкий путь. Шили штаны, рубахи, знамёна, флаги, вязали тёплые чулки, варежки. Одних деревянных сабель рядом с ружьём и барабаном на стене висело уже семь штук. А этот запас не беда, ибо в горячем бою у звонкой сабли жизнь ещё короче, чем у всадника.

И давно, пожалуй, можно было отправляться Альке в поход, но тут наступила лютая зима. А при таком морозе, конечно, недолго схватить и насморк или простуду, и Алька терпеливо ждал тёплого солнца.

Но вот и вернулось солнце. Почернел талый снег. И только бы, только начать собираться, как загремел звонок. И тяжёлыми шагами в комнату вошёл вернувшийся из похода отец. Лицо его было тёмное, обветренное, и губы потрескались, но серые глаза глядели весело.

Он, конечно, обнял мать. И она поздравила его с победой. Он, конечно, крепко поцеловал сына. Потом осмотрел всё Алькино походное снаряжение. И, улыбнувшись, приказал сыну: всё это оружие и амуницию держать в полном порядке, потому что тяжёлых боёв и опасных походов будет и впереди на этой земле немало.

С. Маршак

КРАСНАЯ СТРАНИЦА

(Из «Разноцветной книги»)

Эта страница
Красного цвета.

Красное солнце,
Красное лето.

Красная площадь
Флаги полощет.

Что же на свете
Лучше и краше?

Разве что дети
Весёлые наши!

ДОЧЬ РЕВОЛЮЦИИ

Рассказ

В сквере шумели деревья. В сквере шуршали листья.

Листопад только что начался.

Девочки собирали листья в букетики. Мальчишки отнимали букетики и с криками бросали их в воздух.

На скамейке с газетой в руках сидел маленький старичок.

Сам старичок был маленький, а всё на нём было большое.

Огромная кепка закрывала его лоб, и козырёк почти лежал на больших круглых очках.

Во рту старичок держал трубку с длинным-длинным мундштуком. И дыма было много-много, будто курил великан.

Пальто старичку было велико, и, прежде чем взять трубку, он поднимал руку высоко вверх. Тогда рука высовывалась из рукава и брала трубку.

И ботинки у маленького старичка были очень большие.

Невдалеке гуляла его внучка—толстенькая, в красном капюшончике и красных туфельках розовощёкая девочка.

К ней подошёл мальчишка в матросском бушлате и спросил:

— Тебя как зовут?

Он спросил небрежно, а она ответила гордо:

— Воля.

— Воля?—переспросил мальчишка.—Или Валя?

— Нет, Воля. А не Валя.

— Врёшь,—убеждённо сказал мальчишка,—сочиняешь.

Девочка отвернулась и погналась за кленовым листом.

Мальчишка долго думал, потом окликнул девочку:

— Эй, ты! А кто тебе такое имя выдумал?

— Дедушка. Вон, который на скамейке газету читает.

Он у меня старый большевик.

Мальчишка подумал и дал девочке подзатыльник.

Она спокойно поправила капюшончик и сказала:

— Моряк с разбитого корыта!

Мальчишка погрозил ей кулаком и подошёл к маленькому старичку, долго стоял и ковырял землю носком ботинка.

Старичок заметил его нерешительность и проговорил:

— Слушаю вас, молодой человек.

— Что такое воля?— спросил мальчишка и, открыв рот, стал ждать ответа.

Старичок поднял правую руку высоко вверх, высвободил её из рукава, достал изо рта трубку и ответил:

— Дочь революции.

Что такое революция, мальчишка ещё не знал. Воля была для него всего-навсего толстенькой розовощёкой девчонкой в красном капюшончике и красных туфельках.

Мальчишка смотрел на неё, смотрел.

А маленький старичок читал газету и дымил трубкой—будто великан курил.

А вокруг шумели деревья. Шуршали листья. Листопад только что начался.

Юрий Трифонов

ТЕПЛОВОЗ

Две кабины и овал,
Ободок из меди.
Я тепловоз нарисовал!
Что же он не едет?
Путь проложен через лист,
Мост подставил спину.
В чёрной форме машинист
Поднялся в кабину.
Открываю семафор,
Машинист глаза протёр,
На его лице вопрос:
„Как же ехать без колёс?“
У меня, наверно, жар:

Пропустил колёса!
Вот они: двенадцать пар
Их у тепловоза!
Заправляю заодно,
Не жалею нефти.
Нет, не едет всё равно.
Почему? Ответьте.
Может, груз необходим?
Стыдно вхолостую?
Я, друзья, согласен с ним—
И состав рисую!
Прицепляю...
Дробный гул
Вмиг подхвачен эхом.
Тепловоз плечом качнул,
Свистнул и поехал!

Иван Тимкин
Тульский Каз

Сказывают, что управители российских народов и губерний не испытывали столько волнений и страхов при других царях, как при Петре Первом. Вишь ли, Пётр-то был человек любознательный и беспокойный. Куда бы ни заехал—подай ему что-нибудь новое и удивительное. А если он нового ничего не видел, то на него нападала тоска, и тогда уж от него добра не жди. Не посмотрит, что ты воевода или кто ещё в этом роде. Может так разнести—только черепки от тебя полетят.

Поэтому, когда Петру приходилось разъезжать по России, каждый воевода или градоначальник молили бога, чтобы царя пронесло мимо.

Как-то Пётр совсем неожиданно нагрянул в Тулу. Приехал он с думкой: испытать самопальных мастеров, на что

они способны, и решить, можно ли в Туле основать Российский ружейный завод.

Только слуги успели вытащить из кареты всякую кладь, а Пётр сразу к воеводе с вопросом:

— Кто у вас самый лучший ружейный мастер?

Воевода назвал всех пожиточных людей, которые промышляли самопальными делами. А Пётр недовольно дёрнул щекой и опять к воеводе:

— Пожиточные люди не стоят у наковален. Я спрашиваю о скудных: кто из скудных людей считается лучшим мастером?

Воевода тут и стал в тупик. Ружейниками кишит вся кузнечная слобода—кто из них лучший?

А Пётр снова:

— Через пять минут чтобы привели мне самого лучшего мастера.

Что оставалось делать воеводе, как только сказать:

— Слушаюсь, государь.

Вызвал воевода к себе какого-то там помощника и говорит:

— Найти самого лучшего мастера и через четыре минуты привести сюда.

Помощник воеводы вызвал своего помощника и приказал привести мастера через три минуты. А тот помощник своему помощнику приказал мастера привести через две минуты. А тот вызвал служилого по сыскным делам и уже даёт приказ привести мастера через одну минуту. А до кузнечной слободы только на коляске нужно ехать больше четверти часа!

Почесал затылок служилый и вместо кузнечной слободы повернул на базар. Смотрит: какой-то мужик носится с фузеёй—с кремнёвым ружьём. Схватил служилый мужика за шиворот и приволок к воеводе.

Воевода не успел с ним словом перемолвиться, как из другой комнаты вышел царь.

— Это ли великий тульский мастер?—спрашивает Пётр.— Как тебя звать?

— Тычкой,—отвечает мужик,— но только я совсем не вели-

кий, а всего-навсего ученик Парфёна Зычки, который учился у Никишки Дички, а тот у Прошки Лычки...

Воеводу от слов Тычки прямо в пот бросило. Толкает его в бок, чтобы замолчал, а Тычка видит, что царь разговаривает с ним по-простому, ещё больше разошёлся, даже государя стал Алексеичем называть.

А Пётр ему говорит:

— Сможешь ли починить эту штуку?

И подаёт ему сломанный пистолет, сделанный каким-то английским мастером.

— А что же не попробовать, можно и попробовать,— отвечает Тычка.—Сроду мне не приходилось гнуть дуги, а летось попробовал—и не хуже, чем у ярославских мужиков, вышло.

Вздыхнул тяжело Пётр, но ничего не сказал Тычке, проводил его до дверей и не взял у него обратно пистолет.

Пока царь разговаривал с Тычкой, все чиновники навывтяжку, будто свечи, стояли, а когда Тычка скрылся из виду, сразу зашевелились. Оказывается, никто не спросил, где он живёт, а царю об этом нельзя сказать.

Три дня и три ночи искали Тычку, а на четвёртый день он сам пришёл. Пришёл он, не торопясь, из-за пазухи вытащил пистолет и отдал царю.

Потрогал Пётр пистолет, пощёлкал—работает нормально.

— Вот если бы все умели не только чинить, но и делать такие вещи, тогда бы вас и на руках можно носить,—говорит Пётр.

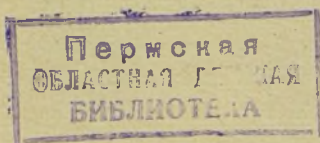
— Так чего же их не делать,—отвечает Тычка.—Такие пистолеты у нас подмастерья чуть ли не слюнями клеят.

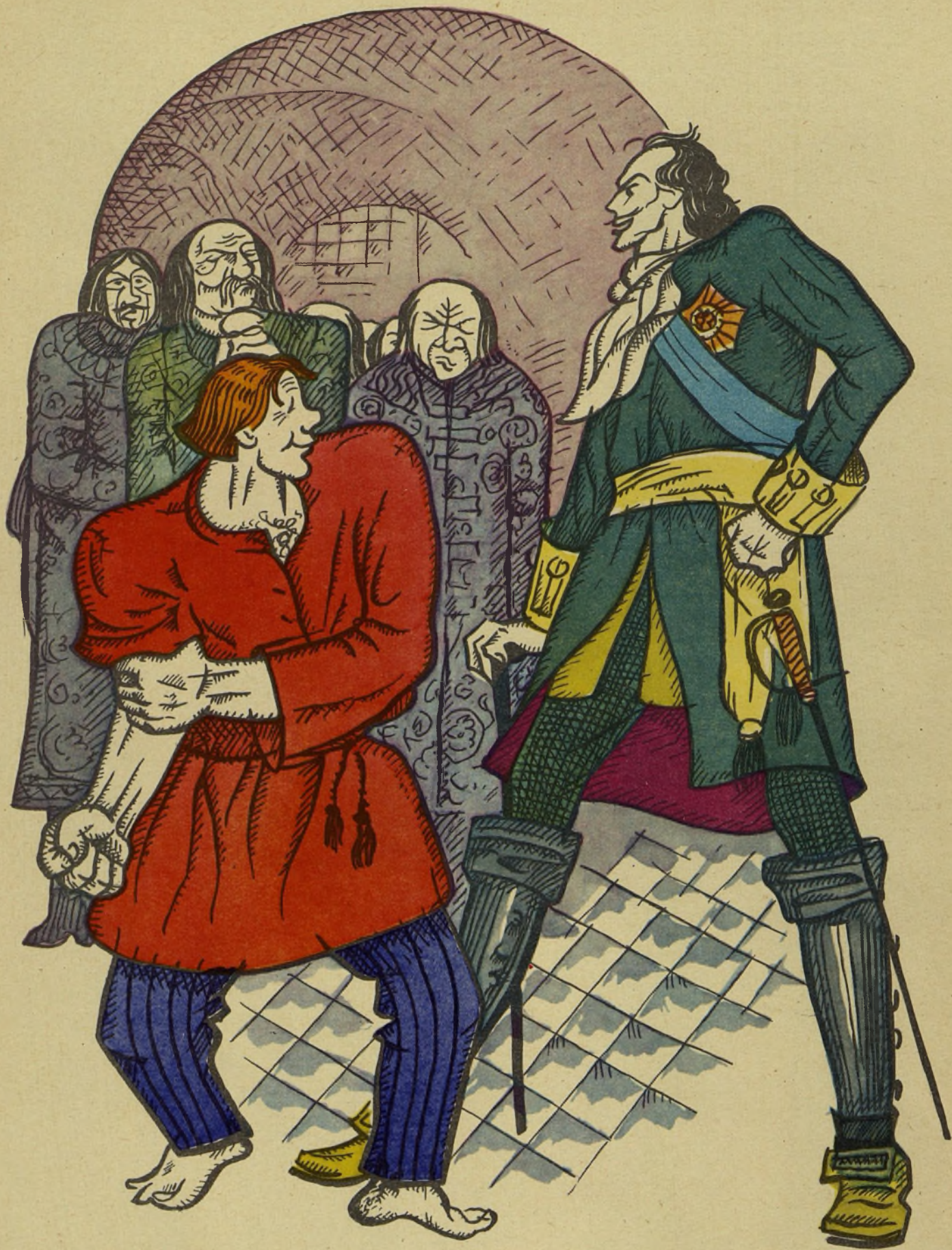
Пётр был горячий человек, не любил хорошую работу хаять. Поэтому, когда услышал от Тычки такие слова, даже усики у него от злости запрыгали. Поднял царь кулак и ударил Тычку.

— За что же, государь?—говорит Тычка.

— За тот пистолет, который ты хаял.

— Если только за тот, так заberi его, он мне даром не нужен.

Оказывается, Тычка за три дня не только починил английский пистолет, но и сделал новый, как две капли воды похожий на английский.

Пётр глядит то на один пистолет, то на другой, только головой от восторженности крутит да работой Тычки восхищается. Потом совсем растрогался и говорит:

— Ну, братец мой, ты уж прости, что забидел тебя.

А Тычка был мужик с норовом, сбычил голову и даже не глядит на царя.

А государь опять ему говорит:

— Ну, если так не можешь простить, тогда уж и ты ударь меня.

— Да оно, может, так и следовало по правилу-то, да, вишь, рука у меня мужицкая, как бы греха не натворить, но если уж очень просишь, так тому и быть.

И так жажнул царя, что тот чуть к стене не прилип.

Когда царь пришёл в себя и посмотрел на вельмож, ему неловко стало, что мужик его ударил. А как снова поглядел на Тычку и его могучие плечи—просиял, и гордость его охватила за таких людей.

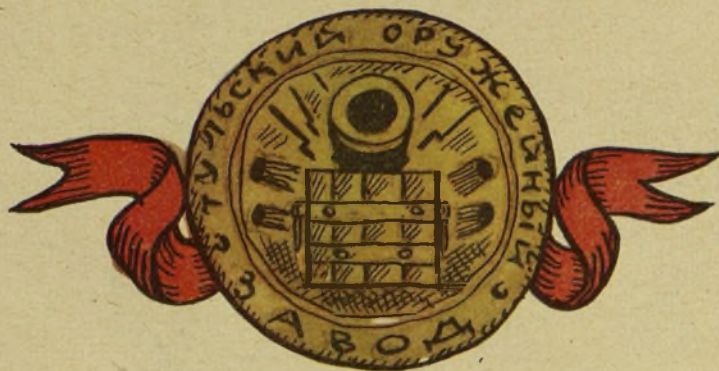
Обнял он тогда самопального мастера и молвил:

— Да пусть на плечах этих людей здесь вырастет русский ружейный завод.

И правда, вскоре у кузнечной слободы вырос ружейный завод, который потом и называли именем Петра.

Может, царь Пётр про этот случай в своих бумагах написал совсем по-другому, но мужики рассказывают так.

Мужики напрасно не скажут.

Семён Коган

СТАНЦИЯ ПЕТУХИ

Мы живём на станции
Петухи.
Будят
На рассвете нас
Петухи.
Доверять привыкли мы,
Как часам,
Их слегка простуженным
Голосам.
Мы живём на станции
Петухи.
Провожают в школу нас
Петухи.
Провожают в школу нас
До ворот,
А потом встречают нас
У ворот.
Мы живём на станции

Петухи.

Так и называют нас:

— Петухи!..

Только мы задирами

Не слывём,

Хоть себя в обиду мы

Не даём!

Мы живём на станции

Петухи.

Маленькая станция—

Петухи.

Мимо нас проносятся

Поезда

В самые далёкие

Города.

Поезда проносятся—

Добрый путь!

Приезжайте в гости к нам

Как-нибудь!

НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ

Любите отгадывать загадки? Слушать по радио передачу „Угадайка“ тоже все любите? Вот и хорошо. В этой книге будет своя игра „Угадайка“.

На разных страницах напечатаны здесь разные загадки. Старайтесь, отгадывайте на здоровье, ломайте головы! А потом на странице 120 проверьте свои ответы.

Только не думайте, что так уж это просто: Оляпка все ответы перепутала, попробуйте-ка отыскать, который к какой загадке.

Итак, первая страничка Оляпкиной „Угадайки“.

Идёт щука-гремешука,
куда взглянет—трава вянет.

Стоит горница-
безугольница.

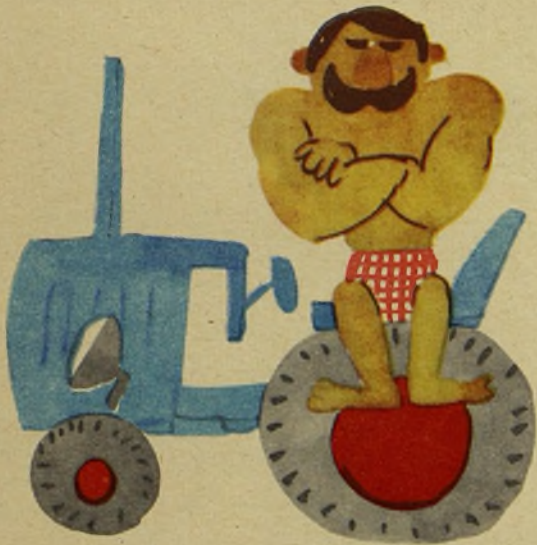

Синенька шубёнка
Покрыла весь мир.

Братцы-хватцы,
сёстры-подлизушки.

Идёт силач
Добывать калач.

Протянули струну
на всю страну.
Далеко-далечко
плывёт мое словечко.

Сто братьев в одну избушку
соткнулись ночевать.

Телятки гладки
привязаны к грядке.

Вит. Бианки

ПЛАВУНЧИК

Рассказ

Преудивительная водится у нас птичка. Называется—плавунчик.

Где бы вы ни жили летом—на Волге, на Кавказе или в жарких степях Казахстана, под Ленинградом, под Москвой или на Камчатке,—всюду вы можете встретить этих птичек. И всегда неожиданно. А завтра придёте туда, где их видели,—их уже нет.

Ищите их на море, в озере, в реке, в пруду. Даже если около вашего дома есть просто большая яма, и тут вам могут попасться на глаза плавунчики. Была бы в яме вода.

Птички эти из куличков. Кулики—стройные такие птицы на очень длинных ногах и с очень длинным носом. Живут

больше по болотам, по берегам рек, озёр. Но они не плавают, не ныряют: только бегают у воды по берегу и кланяются носом до земли. Носом они достают себе еду в тине, в иле, под камешками или в траве.

Кулики-то плавунчики—кулики, да у них, как говорит мой сынишка, всё шиворот-навыворот. Носик у них не такой уж длинный, ножки тоже. И редко увидишь их на берегу: они всё плавают.

Узнать их очень легко. Ростом плавунчики примерно со скворца. Похожи они на те нарядные цветные поплавки, что покупают молодые удильщики в городских магазинах. Особенно похожи, когда сидят на воде: сидят и танцуют на волнах, как поплавки—белые и серые, красноватенькие—пёстро расписаны.

И всегда их целая стайка. Народ они очень дружный. Одиночку редко встретишь.

Сынишка мой, когда в прошлом году в первый раз их увидел, очень удивился. Пришёл домой и говорит:

— Что за птиц таких я видел—не пойму! Идёшь—все птицы от тебя удирают, разлетаются. А эти и не думают. Плавают у самого берега. Я подхожу—они даже отплыть подальше не хотят. Кувыркаются, ни минуты не посидят спокойно: кружатся жуками на воде. А то в чехарду начнут играть, прыгают друг через друга, перепархивают.

Жили мы прошлый год в деревне на Урале. Домик наш стоял на самом берегу реки Камы. И всё лето стайки плавунчиков плавали у нас перед глазами—прямо из окошек видно. Сегодня плавает стайка, а завтра исчезнет. Пройдёт два-три дня—другая стайка появится. И так всё лето.

— Вот бездельники!—удивляется мой сынишка.—Другие птицы все на гнёздах сидят, птенцов выводят. А эти ничего не делают, только в чехарду на воде играют. Наверно, это петушки: красивенькие такие, яркие. У всех птиц самцы красивей самок. Наш Петька вон какой франт, а курочки—серенькие.

Я ему объяснил, что он ошибается. У плавунчиков как раз наоборот: петушки серенькие, а курочки франтихи, ярко

одеты. Далеко на севере, в тундре, весной курочки снесут яйцо—и до свиданья! Улетают. Петушки одни на гнёздах сидят, детей выводят, потом учат их, как жить.

А курочки-франтихи всё лето по всей нашей стране летают, путешествуют с места на место.

Сынишка мой говорит:

— Это просто какие-то птички шиворот-навыворот! А всё-таки я их шибко полюбил, потому что они меня не боятся! Будто знают, что я их не трону и плохого им не сделаю. Хорошие они.

— Очень хорошие,—согласился я.

И вот раз утром прибегает мой сынишка домой с Камы. Он рыбу ходил удить на реку.

Прибегает и говорит:

— Смотрите, кого я принёс!

Лезет к себе за пазуху, вынимает оттуда живого плавунчика и пускает его на пол.

— Я,—говорит,—сидел на берегу с удочкой. Вдруг вороны летят. Кричат, каркают. А впереди них, смотрю, какая-то маленькая птичка несётся. Вороны её ловят, схватить хотят. Она из стороны в сторону бросается, кричит.

Увидела меня—и прямо ко мне. Примчалась—и в ноги мне. Села и сидит.

— Туик!—говорит. Я сразу понял: „Защити меня!“—просит. Ну, я на ворон удочкой замахал, закричал. Они покружились, покружились, видят, со мной не справиться—и отлетели. Я нагнулся, взял плавунчика в руки. Он и не думает улетать. Я удочку смотал—и домой с ним. Вот он—видите, какой!

Плавунчик ходит по избе, нас ни чуточки не боится.

Думали мы, думали: что с ним делать? Конечно, такая милая птичка—радость в доме. Но чем её кормить? И ведь ей плавать надо. Держать дома трудно. Решили выпустить.

В деревне-то, конечно, нельзя выпускать: тут кошки, собаки и те две вороны. Решили плавунчика отнести подалее.

Сынишка наклонился, взял его в руки. Он ничего—пожалуйста! Точно век с людьми в избе жил.

Пошли мы с сынишкой за околицу, через поле—в лес. В лесу среди вырубки знал я такую большую яму с водой. Тины там, корму всякого птичьего много было. Днём туда разные кулики прилетали—покормиться, а на ночь—утки.

У этой ямы мой сынишка и выпустил плавунчика.

Плавунчик порхнул на воду, пискнул нам два раза: „Туик, туик!“—вроде, значит, спасибо сказал, до свиданья—и как ни в чём не бывало принялся жуком кружить по воде.

Долго мы стояли с сынишкой, любовались им.

Наконец я говорю:

— Ну, пойдём. Мама давно уж, верно, нас с обедом ждёт. А плавунчик забудет нас, улетит отсюда на Каму—к своей стайке. Птица вольная—ей так хорошо.

Ушли мы. Но я ошибся: плавунчик не улетел и не забыл нас.

Через два дня пришли мы с сынишкой на эту яму: уток я хотел настрелять. Спрятались в ёлочках на берегу.

Уж солнце за лес село. Тут вдруг что-то мелькнуло у нас над головой—и видим: плавунчик наш на воду садится!

Я высунулся из ёлочек, машу на него рукой: „Кыш, кыш, улетай отсюда скорей!“

А он посмотрел на меня, „туик“ пискнул—вроде здравствуйте сказал—и плывёт к нам. Подплыл—и у наших ног кувыркается, тину со дна носом достаёт—питается.

Сынишка говорит:

— Пойдём-ка, папа, домой лучше. А то ещё ты моего плавунчика вместо утки подстрелишь, как стемнеет.

Так и ушли, ни разу не выстрелив.

А больше уж не пришлось мне на этой яме охотиться: плавунчик наш привычку взял каждый вечер сюда прилетать. Плавает среди уток, кружит по воде. Ну, как тут стрелять!

Дробь разлетится, ненароком и его заденет.

Пришла пора. С севера, из тундры, прилетели стайки плавунчиков: петушки со своими воспитанниками молодыми. Поплавали немножко на Каме все вместе—с франтихами-самочками—и исчезли.

Это они в своё осеннее путешествие отправились—на зимовки. А зимовки у них—в далёких жарких странах: в Индии, в Индо-Китае и ещё дальше. Улетел с ними и наш плавунчик.

Но весной он опять прилетит.

И, пожалуйста, ребята: если где встретите его или других плавунчиков, не трогайте их, не пугайте! Они ведь совсем беззащитные и, главное, очень уж верят людям. А ведь так приятно, так хорошо становится, когда в тебя крепко верят и ждут от тебя только хорошего. Особенно, когда в тебя верит беззащитное, маленькое существо.

Пусть хоть птичка.

Ирина Пивоварова

На поляне
Вырос гриб.
Вырос гриб
И спохватился:
— Ах, зачем я,
Глупый гриб,
На одной ноге
Родился!
Вот и стой

Теперь на месте
Весь грибной
Короткий век!..
Мимо в беленькой
Панаме
Шёл весёлый
Человек.
Он сказал:

— Не огорчайся,
Я возьму
Тебя с собой!—
Положил он гриб
В корзинку
И понёс
Его домой.

Колёса,
Колёса
По свету
Колесят.
Так много
На свете
Колёс—
И колесят!
А самое
Большое
Солнце-колесо,
Оно такое
Жёлтое,
Совсем как колосок,
Оно весь день
Без отдыха
По небу колесит,
А луна-колёсико
В это время
Спит.

Виктор Астафьев

Стрижонок Скрип

Стрижонок вылупился из яичка в тёмной норке и удивлённо пискнул. Ничего не было видно. Лишь далеко-далеко мерцало пятнышко света. Стрижонок испугался этого света, плотнее приник к тёплой и мягкой маме-стрижихе. Она прижала его крылышком к себе. Он задремал, угревшись под крылом. Где-то шёл дождь, падали одна за другой капли. И стрижонку казалось, что это мама-стрижиха стучит клювом по скорлупке яйца. Она так же стучала перед тем, как выпустить его наружу.

Стрижонок проснулся оттого, что ему стало холодно. Он пошевелился и услышал, как вокруг него завопились и запищали голенькие стрижата, которых мама-стрижиха тоже выклевала из яиц.

А самой мамы не было.

— Скрип! — позвал стрижонок.

— Скрип! Скрип! Скрип! — повторили за ним братья и сёстры.

Видно, всем понравилось, что они научились звать маму, и они громче и дружнее запищали:

— Скрип! Скрип! Скрип!

И тут далёкое пятнышко света потухло. Стрижата притихли.

— Скрип!—послышалось издалека.

«Так это ж мама прилетела!» — догадались стрижата и запищали веселей.

Мама принесла в клюве капельку дождя и отдала её Скрипу — первому стрижонку.

Какая это была вкусная капля! Стрижонок Скрип проглотил её и пожалел, что капля такая маленькая.

— Скрип!—сказал он. Ещё, мол, хочу.

— Скрип-скрип!—радостно ответила мама-стрижиха.

Сейчас, дескать, сейчас. И опять её не стало. И опять стрижата тоскливо запищали. А первый стрижонок кричал громче всех. Ему очень уж понравилось, как мама-стрижиха поила его из клюва.

И когда снова закрылся свет вдаль, он что было духу закричал:

— Скрип!—И даже полез навстречу маме. Но тут же был откинут крылом на место, да так бесцеремонно, что чуть было кверху лапками не опрокинулся. И каплю вторую мама отдала не ему, а другому стрижонку.

Обидно. Примолк стрижонок Скрип, рассердился на маму и братьев с сестрёнками, которые тоже, оказывается, хотели есть. Когда мама принесла мошку и отдала её другому стрижонку, Скрип попытался отнять её. Тогда мама-стрижиха так долбанула Скрипа клювом по голове, что у него пропала всякая охота отбирать еду у других.

Понял стрижонок, какая у них серьёзная и строгая мама. Её не разжалобишь писком.

Так начал жизнь в норке стрижонок Скрип вместе с братьями и сёстрами.

Таких норок в глиняном берегу над рекой было очень много. В каждой норке жили стрижата. И были у них папы и мамы. А вот у стрижонка Скрипа папы не было. Его сшибли из рогатки мальчишки. Он упал в воду, и его унесло куда-то. Конечно, стрижата не знали об этом.

Маме-стрижихе было очень тяжело одной прокормить детей. Но она была старательная мать. С рассвета и до вечера носилась она над берегом и водой, схватывала на лету мошек, комариков, дождевые капли. Приносила их детям. А мальчишки, сидевшие с удочками на берегу, думали, что стрижиха и все стрижи играют над рекой.

Стрижонок Скрип подрос. У него появились перья, и ему всё время хотелось есть. Иногда ему удавалось отобрать у братца или сестрёнки мушку, и тогда они жалобно и недовольно пищали. За это Скрипу попадало от мамы-стрижихи. Но ему так хотелось есть, так хотелось есть!

А ещё ему хотелось выглянуть из норки и посмотреть, что же оно там такое, дальше этого пятнышка света, откуда мама-стрижиха приносит еду и ветряные запахи на крыльях.

Пополз стрижонок Скрип. И чем дальше он полз, перебирая слабыми лапками, тем больше и ярче делался свет.

Боязно!

Но Скрип был храбрый стрижонок, он полз и полз.

Наверное, он выпал бы из норки и разбился, как разбиваются такие вот неразумные птенцы. Но тут появилась мама-стрижиха, схватила его, уволокла в глубь норки — и раз-раз его клювом по голове. Сказала сердито:

— Скрип-скрип! — И ещё по голове, и ещё по голове.

Очень рассердилась мама-стрижиха, очень сильно была Скрипа. Должно быть, там, за норкой, опасно, раз мама-стрижиха так волнуется. Конечно, откуда Скрипу было знать, сколько врагов у маленьких, проворных стрижей.

Сидит на вершине страшный быстрый сокол и подстерегает их. Скоком-прыгом подходит к норкам клювастая ворона. Тихо ползёт меж камней чёрная гадюка.

Побольше подрос Скрип, догадываться об этом стал. Ему делалось жутко, когда там, за норкой, раздавалось пронзительное «тиу!» Тогда мама-стрижиха бросала всё, даже мошку или каплю воды, и, тоже крикнув грозное «тиу!», мчалась из норки.

И все стрижи с криком «тиу!» высыпали из норок и набрасывались на врага. Пусть этот враг хоть сокол, хоть коршун, хоть кто, пусть он хоть в сто раз больше стрижей, они всё равно не боялись его. Дружно налетали стрижи, все как один. Коршун и ворона скорей-скорей убирались в лес, а гадюка пряталась под камень и со страху шипела.

Однажды мама-стрижиха вылетела на битву с врагом — разбойником соколом.

Сокол был не только быстрым, но и хитрым. Он сделал вид, что отступает. Вожак стрижей — Белое Брюшко — дал отбой, крикнув победоносное «тиу!». Но мама-стрижиха ещё гналась за соколом, чтобы уж навсегда отвадить его летать к стрижиным норкам.

Тут сокол круто развернулся, ударил маму-стрижиху и унёс в когтях. Только щепотка перьев кружилась в воздухе. Перья упали в воду, и их унесло.

Долго ждал стрижонок Скрип маму. Он звал её. И братцы и сестрёнки тоже звали. Мама-стрижиха не появлялась, не приносила еду.

Потускнело пятнышко света. Настала ночь. Утихло всё на реке. Утихли стрижи и стрижата, пригретые папами и мамами. И только Скрип был с братьями и сёстрами без мамы.

Сбились в кучу стрижата. Холодно без мамы, голодно. Видно, пропадать придётся.

Но Скрип ещё не знал, какой дружный народ стрижи! Ночью к ним нырнул вожак — Белое Брюшко, пощекотал птенцов клю-

вом, обнял их крыльями, и они пригрелись, уснули. А когда рассвело, в норку к Скрипу наведалься соседка-стрижиха и принесла большого комара. Потом залетали ещё стрижи и стрижихи и приносили еду и капли воды. А на ночь к осиротевшим стрижатам вновь залетал вожак—Белое Брюшко.

Выросли стрижата—не пропали. Пришла пора покидать им родную норку, как говорят, становиться на крыло—самим добывать себе пищу и строить свой дом.

Это было радостно и жутко!

Скрип помнит, как появился в норке вожак—Белое Брюшко. Вместо того, чтобы дать ему мошку или капельку, он ухватил Скрипа за шиворот и поволок из норки. Скрип упирался, пищал. Белое Брюшко не обращал внимания на писк Скрипа, подтащил его к устью норки и вытолкнул наружу.

Ну что было делать Скрипу? Не падать же! Он растопырил крылья и... полетел! И тут на него набросились все стрижи, старые и молодые. Все-все! И погнали его от норки всей стаей навстречу ветру, навстречу ослепительному солнцу.

— Скрип! Скрип!—испуганно закричал стрижонок, захлебнувшись ветром, и увидел под собою воду.—Скрип! Скрип! «А если я упаду?»—с ужасом подумал он.

Но стрижи не давали ему упасть. Они гоняли его кругами над водой, над берегом, над лесом.

Потом крики стрижей остались позади, свист крыльев и гомон птичий угасли. И тут стрижонок Скрип с удивлением увидел, что он уже сам, один летает над рекой! И от этого сделалось так радостно, что он взмыл высоко-высоко и крикнул оттуда солнцу, реке, всему миру: «Скрип!» — и закружился, закружился над рекой, над лесом. Даже в облако один раз залетел. Но там ему не понравилось — темновато и одиноко. Он спикировал вниз и заскользил над водою, чуть не касаясь её брюшком.

Хорошо жить! Хорошо, когда сам умеешь летать! Скрип! Скрип!

А потом и сам стал помогать стригам — вытаскивал из норок стрижат и тоже гнал их над рекой вместе со всеми стрижами и кричал:

— Скрип! Скрип! Держи его! Догоняй!

И ему было весело смотреть, как метались и заполошно кричали молоденькие стрижата, обретая полёт, вечный полёт!

Скрип много съел в этот день мошек, много выпил воды. Ел и пил он жадно, потому что стрижи всегда в движении, всегда в полёте. И оттого надо им всё время есть, всё время пить. Но день кончился. Он ещё раз плюхнулся белым брюшком на воду, схватил капельку воды, отряхнулся и поспешил к своей норке. Но найти её не смог. Ведь снаружи он никогда не видел свою норку, а сейчас все норки ему казались одинаковыми. Норок много, разве их различишь?

Скрип сунулся в одну норку — не пускают, в другую — не пускают. Все стрижиные дома заняты. Что же делать? Не ночевать же на берегу! На берегу страшно. В норке лучше.

И Скрип начал делать свою норку. Выскребал глину остренькими когтями, выклёвывал её и уносил к воде. Снова возвращался, опять клевал, скрёб, а в землю подался чуть-чуть.

Устал Скрип, есть захотел и решил, что такой норки ему вполне хватит. Он маленько покормился над рекой и завалился спать в свою совсем ещё не глубокую норку.

Неподалёку рыбачили мальчишки. Они пришли к стрижиному яру, один мальчишка засунул руку в нору и вынул Скрипа. Что только пережил Скрип, пока его держали в руках и поглаживали, как ему казалось, громадными пальцами!

Но ничего попались ребяташки, хорошие, выпустили Скрипа. Он полетел над рекой и со страху крикнул:

— Тиу!

Все стрижи высыпали из норок, глядят—никого нет. Ребяташки уже ушли, сокол не летает. Чуть было не побили стрижи Скрипа, но пожалели—молодой ещё.

Тут понял Скрип, что в маленькой норке не житьё, и принялся снова работать. Он так много раз подлетал к своей норке, чтобы унести глину, так пробивался в глубь яра, что норку эту отличал уже ото всех.

Как-то опять пришли мальчишки, засунули руку, чтобы вытащить Скрипа, а достать не могут. Скрип вертел головою и, должно быть, насмешливо думал: «Шалишь, братцы-мальчишки! И вообще совесть надо иметь!»

Хорошо, спокойно жилось в своей норке. Теперь Скрип наедался и напивался досыта, стал стремительным, сильным. Но вот отчего-то сделались беспокойными стрижи. Они всё летали, кружились, лепились на проводах и часами сидели молча, прижавшись один к другому. А потом с визгом рассыпались в разные стороны и снова сбивались в стаи, и снова тревожно кружились. Эта тревога передалась и Скрипу. Он стал ждать, сам не зная чего, и в конце августа на рассвете вдруг услышал призывный голос вожака—Белое Брюшко.

— Тиу!—крикнул вожак. В голосе его на этот раз не было угрозы. Он звал в отлёт. Взмыл Скрип и видит: всё небо клубится. Тучи стрижей летят к горизонту.

— Тиу!—звал вожак. И стайка Скрипа помчалась вдаль, смешалась с другими стаями. Стрижей было так много, что они едва не заслонили собой разгорающуюся в небе зарю.

— Скрип! Скрип!—тревожно и тоскливо кричали стрижи, прощаясь до следующего лета с родным краем.

— Скрип! До свиданья!—крикнул и стрижонок Скрип и помчался за леса, за горы, за край земли.

— До свиданья, Скрип! До свиданья! Прилетай в свою норку!—кричали вслед Скрипу мальчишки-рыбаки.

Стрижи улетают в одну ночь и уносят с собою лето. Прилетают они тоже в одну ночь и приносят с собою лето.

Скучно без стрижей на реке. Чего-то не хватает.

Где ты, маленький Скрип? В каких краях и странах? Возвращайся скорее! Приноси нам на крыльях лето!

Где живёт
Гремучий гром?
Где себе он
Сделал дом?
Дом у грома—
В чёрных тучах,
Там он любит
Подремать.

А когда дремать
Наскучит—
Начинает
Гроыхать:
«Тара-рах!
Тара-рах!
Бах!
Бах!
Бах!»

Виктор Попов

ГРОМ

ГРАД

Утром град
Примчался в сад.
«Как я рад! —
Грохочет град. —
Я примчался,
Я приехал,
Я привёз
Орехов воз!»
Только саду
Не до смеха:
«Ты избил меня
До слёз.
Ты совсем напрасно ехал —
Не хочу
Твоих орехов!»

Борис Ширшов

Лопушок

Рассказ

Ранним августовским утром приехал я на поезде к лесному заливу. Иду вдоль берега по тропинке и радуюсь: погода стоит ясная, на воде—ни единой морщинки, солнышко пригревает, в лесу птицы поют. Самое время для хорошей рыбалки.

Прошёл мимо лодочной станции. Там на взгорке палатки видны и затухающий костёр дымится. Людей не видно нигде. Должно быть, крепко спят они в палатках и не знают, какое чудесное утро наступило. Пожалел я этих спящих долго людей.

Тропинка узкая, скользкая от росы, вьётся через овражки. По бокам сплошь кустами заросла. Да не простыми, а всё боль-

ше малинником. Спелые ягоды так и краснеют кругом. Протянешь руку сорвать малинку — и сразу рука мокрой становится. Уж очень обильная роса выпала ночью.

Иду я, удочками кусты раздвигаю, чтобы меньше сырости на одежду попадало. Присматриваю для рыбалки местечко поглубже.

И вдруг кто-то ударяет меня сзади по подколенкам. От неожиданности я даже присел.

Оглядываюсь: на тропинке сидит щенок. Весь серый, пушистый, а морда чёрная. Глядит на меня голубоватыми глазами. Брови у щенка рыжие, одно ухо стоит торчком, а другое поникло, словно надломленный лопушок. Морда у щенка глупая, но весёлая и забавная. Отметил я про себя: щенок породистый. Настоящая овчарка вырастет из него.

— Что прикажете? — спросил я. — В приятели, что ли, напрашиваешься?

Щенок прыгнул на меня, завилял хвостиком. Тут я сразу придумал ему кличку.

— Пошли, Лопушок! — предложил я. — Нечего драгоценное время попусту терять.

Путаясь под ногами, пытаюсь забежать вперед, щенок двинулся за мной. Шагать стало труднее: я всё время боялся отдавить щенку лапу тяжёлыми рыбацкими сапогами.

Откуда всё же он взялся? Ну конечно, он прибежал с лодочной станции. Наверное, его хозяин сейчас сладко спит в своей палатке. А пёс выбрался на волю. Скучно сделалось ему от одиночества и тишины. Вот он и отправился искать развлечений.

Интересно, едят ли собаки малину? Я угостил щенка ягодой. Он щёлкнул зубами, проглотил её, словно муху. И завилял хвостом, требуя ещё. Потом точно так же проглотил вторую, третью, четвёртую, ещё несколько ягод. И даже облизнулся.

— Глупый ты, приятель! — сказал я. — Малины у тебя под самым носом полным-полно. Собирай сам и не выпрашивай подачку!

Но Лопушок хитровато посмотрел на меня: мол, я не настолько глуп, чтобы в мокрый холодный куст морду совать.

Местечко для рыбалки отыскалось отличное. Песчаный бережок круто обрывался над омутом. Пока я разматывал и наживлял удочки, щенок не мешал мне. Он крутился неподалёку, возле

брошенного на траву рюкзака, обнюхивал его со всех сторон.

Закинув две донные удочки, я воткнул удилище в песок. Потом ещё с одной удочкой прошёл дальше.

Когда красный поплавок мягко лёг на воду, я принялся зорко наблюдать за ним. А про Лопушка, по правде говоря, забыл. Тут ещё мелкая рыбёшка начала беспрестанно теребить насадку, шевелить поплавок. Знай только поглядывай, не зевай...

Слева от меня за кустом что-то тяжело бухнуло в воду. «Неужели на донные удочки клюнуло?» — подумал я и бросился к ним.

Песок на берегу был вскопан, словно лопатой. Одно удилище плавало в воде. Возле другого, рыча и взлаивая, трудился Лопушок. Он с разбегу кидался на удилище и яростно разгребал лапами песок.

Я даже крикнуть не успел: удилище с плеском рухнуло в воду.

— Пакостник ты, безобразник! — сердито прикрикнул я на щенка и топнул ногой. — Испортил мне всю рыбалку!

Лопушок, поджав хвост, спрятался за рюкзак.

«Так дело не пойдёт!» — огорчённо подумал я, доставая из воды мокрые удилища. На обеих донках оказалось по ёршику, но даже это не обрадовало меня.

А Лопушку хоть бы что. Он снова начал крутиться возле моих ног, норовил сцапать зубами крючок с насаженным на него червяком, опрокинул носом банку с наживкой. Я отпихивал озорного щенка сапогом, покрикивал на него, но ему, должно быть, всё это казалось забавной игрой.

Когда я закидывал первую донку, за моей спиной слышался какой-то хруст.

Ну конечно, это щенок расправился с поплавком моей второй удочки. Чудесный новенький поплавок, привезенный мне другом из Москвы, был разгрызен на мелкие части.

И тут я по-серьёзному обиделся на Лопушка.

— А ну, пошли! — решительно приказал я, выходя на тропинку.

Я отвёл щенка шагов за двести в сторону лодочной станции, сердито топнул ногой на него и зашагал обратно. Но Лопушок не пожелал расставаться со мной и снова потрусил следом.

Тогда я тоже поступил не по-приятельски.

Грохоча сапогами, я погнал щенка по тропинке. Испуганный, поджав хвост, он припустил от меня к своему дому.

Что поделаешь: ведь ехал я в этакую даль, чтобы рыбу ловить, а совсем не затем, чтобы играть со щенками...

Весь день я удачно рыбачил, а вечером направился к электричке на разъезд. Когда я подходил к лодочной станции, то подумал: «Вот хорошо было бы снова повстречать Лопушка. И помириться с ним!» Я даже достал из рюкзака кусок копчёной колбасы, оставшейся от обеда.

Но возле палаток так же, как утром, никого не было. Наверное, на этот раз Лопушок отправился куда-нибудь вместе со своим хозяином.

Кусок колбасы я всё же положил на пенёк возле палаток. У собак нюх острый. Может быть, щенок отыщет по запаху мой подарок.

Ведь всё-таки мы с Лопушком, хоть и не долгое время, но были друзьями.

А теперь почитайте-ка вот этот маленький рассказ.

КАК МЫ ЖИЛИ НА ДИЧЕ

Утром мы ели мин-
ную кошку, и потом бри-
ли тучку сторожу и кути-
ли по суду Сушу и Рею—
ребят тёти Миши. Они были
мулы и кичились в точке,
кричи, что плывут на бур-
косе, и теперь буря и кочки.

Что? Никакого смысла? Вот и Оляпка вначале так же думала. А потом прочитала ещё раз внимательно—и поняла, в чём тут секрет: неопытный наборщик, набирая этот рассказик, не мог найти кассу с буквой «а»!

А так как он был ленив и торопился, то и брал каждый раз другую гласную, лишь бы получилось какое-нибудь понятное слово.

Вот и сообразите, какие гласные надо заменить буквой «а», чтобы получился понятный рассказик.

В. Орлов

СОЛЁНЫЙ КАПИТАН

Полосатая
Тельняшка,
Капитанская
Фуражка.

Капитан идёт
Домой.
Он обиженный
И злой.

Он качается,
Как лодка,
Он солёный,
Как селёдка.

На носу
У капитана
Сохнут капли
Океана.

Ну при чём тут
Океан?
Ну при чём тут
Капитан?

Это Вова —
Наш сосед.
Гонят Вову
На обед.

Отчего ж он
Просолился?
Оттого, что
Прослезился!

ЦАП, ЦАП, ЦАП

Четыре
Длинных
Цапли
Выходят на охоту.
А дождик по болоту:
— Кап, кап, кап!

Идут
Четыре
Цапли
И стряхивают капли,
А клювы звонко щёлкают:
— Цап, цап, цап!

А рядом ходят
Цапельки,
Похожие
До капельки,

До капельки похожие
На мам своих и пап.
А раз они похожи,
Им щёлкать нужно тоже,
Им нужно щёлкать клювами:
— Цап, цап, цап!

Идёт,
Идёт охота,
Заквакало болото,
Лягушки удирают
Со всех зелёных лап:
Им вовсе неохота,
Им страшно неохота,
Чтоб цапли
Их зацапали:
— Цап, цап, цап!

УЖАСНЫЙ СОН

Из английской народной поэзии

Я знаю, друзья,
Чудака одного.
Он верит приметам
И снам.
По средам сбываются
Сны у него.
Он это рассказывал
Сам.

Приснилось ему,
Что жуёт он башмак,
Изношенный,
Старый башмак.
Проснулся чудака
И увидел чудака,
Что это действительно
Так.

Музыкальная шкатулка

Оляпки

Пишут ребята письма Оляпке, стихи о ней сочиняют. А в этих стихах очень часто повторяются такие строчки:

Весёлая Оляпка

Играет и поёт...

Правильно! Любит Оляпка не только играть, но и петь. И вас решила научить двум песенкам. Разучивайте и пойте! Первая песенка — про дождик.

Дождик

Дождик, дождик, пуще
По лугам цветущим!
Дождик, дождик, лей весь день
На овёс и на ячмень!

Пусть усатая пшеница
Поскорей заколосится.
Дождик, дождик, поливай!
Будет хлеба каравай.

Будут булки, будут сушки,
Будут вкусные ватрушки.
Дождик, дождик, припусти,
Чтоб гороху подрасти!

Анатолий Тумбасов

КАК ВИДИТ ХУДОЖНИК

Первая побелка

Уже забелели крыши, грядки в огородах. На лугу белая пелена, и лес поседел. Пушинки цепляются за каждую веточку, хвоинку. Только под ёлками темнеет земля. В лесу от этого пестро. Хороводы поганок, засыпанные снегом, стоят, как вазочки с сахарным песком.

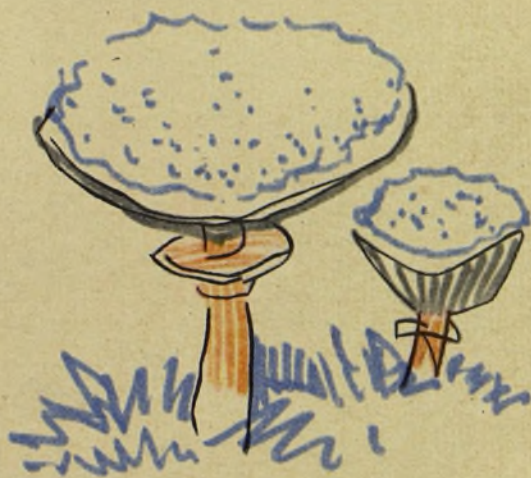
Тихо. Никто не ходит, птиц не видно. И вдруг я слышу, будто скрипят хромовые сапоги. Это старую берёзу успевают ещё подтачивать жуки-короеды и древоточцы. Летом я не раз встречал на берёзе чёрного дятла, или желну, как называют его. Желна — редкая птица, большой работающий дятел. Клювом он орудует, что столяр долотом.

Знакомый муравейник выглядит заброшенным. Хозяева ушли на нижние этажи и закрылись до весны. Я вспомнил, как однажды комар напился моей крови и не смог перелететь этот муравейник, упал. Муравьи тут же навалились на комара и стали закатывать его в свою кладовую, как бочонок с красным сиропом. Так-то вот погубила комара жадность.

Теперь всякие мошки и комары забились в щели.

А мухоморы встречают зиму во всей красе. Иные вышли из-под ёлки и застряли в снегу. На белой пороше красные шляпки далеко видно, они точно фонари горят.

А снег идёт. Первая побелка удалась зиме, всё меньше и меньше остаётся голой земли. Снег присыпает и мухоморы. Гаснут один за другим их красные и жёлтые фонарики.

В шубах и шапках

Куда ни помотришь в зимнем лесу, всюду снег. Кругом комья, пласты и снежные кружева. Не сразу разберёшь, где ёлочка, где пенёк. Однако пеньки закрылись — и их не видно, а ёлочки обязательно где-нибудь да высунут колючую лапку.

Небольшая ель запахнулась в белую шубу с головой и стоит себе. Будто тётенька, закутанная в пуховый платок. В руках у неё сумка хозяйственная: это ком снега так пристроился. Я чуть было «Здравствуйте» не сказал, когда ёлка слегка качнулась: думал, и впрямь кто-то идёт мне навстречу.

А ёлочки-малютки в снежных комьях — словно совы белые расселись под большими деревьями. Весь лес убран снегом. К стволам, как гвоздями, сухими сучьями прибиты комья и комочки. Интересно!

Я достал блокнот, погрел руки за пазухой и стал рисовать. Первой зарисовал ёлку-тётку в шубе, с сумкой. Затем снежную арку. Она похожа на низкие ворота, человеку не пройти. Только мышь проложила мелкую строчку, которую пересёк заячий след...

Дальше я иду не спеша и среди снежных фигур высматриваю диковины разные. Вот встретился на моём пути рыцарь. Это сосенка выставила свою вершину-крестик из комьев, похожих на шлем. Рыцарь с виду сердитый, недовольный чем-то. Таким я и нарисовал его. Подул на пальцы, перевёл взгляд кверху. Ба! Рябиновые кисти свесились надо мной. Опушённые снежком, они будто краснощёкие барышни-боярышни в белых шапках.

—Здравствуйте!—сказал я и задел ветку.

Боярышни дружно закивали, а шапки свои не уронили: холодно. Замёрз и я. Глянул с завистью на деревья в боярских шубах и побежал, быстро отталкиваясь палками, чтобы согреться.

Десант

Будто невзначай, посыпался снег с высокой пихты. Это ветер пробрался в чащу. По тому, как он подхватывал снежную пудру и за-

кручивал вихрем, было ясно: начиналась метель. Я заторопился из леса.

С деревьев повалились пласты снега. Ели взмахнули зелёными лапками, как руками, и, чудилось, заголосили:

—Ах, батюшки, как зимовать будем!..

Мне оставалось пройти небольшое поле. Но когда я вышел на опушку, то невольно остановился. Ветер с воем вырывался на простор. Подхватывая семена с высоких лип, он нёс их над полем.

Семена липы—это два-три мелких орешка с листочками. Сухой листок изогнут так, что, сорванный с дерева, вертится пропеллером на ветру и несёт орешки.

Их тысячи кружились в снежном вихре. «Моторы», как видно, работали неодинаково. Иные семена, пристроенные к листочку-пропеллеру, держались устойчиво, летели далеко. А другие кувыркались и падали рядом.

Воздушный десант опускался на поле, густо усеяв его золотыми листочками.

Из миллионной армии семян только единицы могут закрепиться и вырасти, а остальные погибнут. Но деревья из года в год выбрасывают семена-десанты, пытаются захватить поля и расширить лесные владения.

Зимой нам кажется: лес спит. Нет, только дремлет. И напрасно говорят, будто скучно в зимнем лесу. Не верьте. Но, чтобы увидеть интересное, надо не просто смотреть, а удивляться, да ещё уметь хотя бы чуточку сочинять.

Пять ступенек —
Лесенка.
На ступеньках —
Песенка.

Барашки белые в лесок
По озеру идут.
Но только ступят на песок —
Вздохнут
И упадут.

Зачерпнуло ветра
Белое крыло
И катать мальчишек
В море
Унесло.

На дне, где тихо и темно,
Лежит усатое бревно.

Мих. Садовский

Белая — не белая

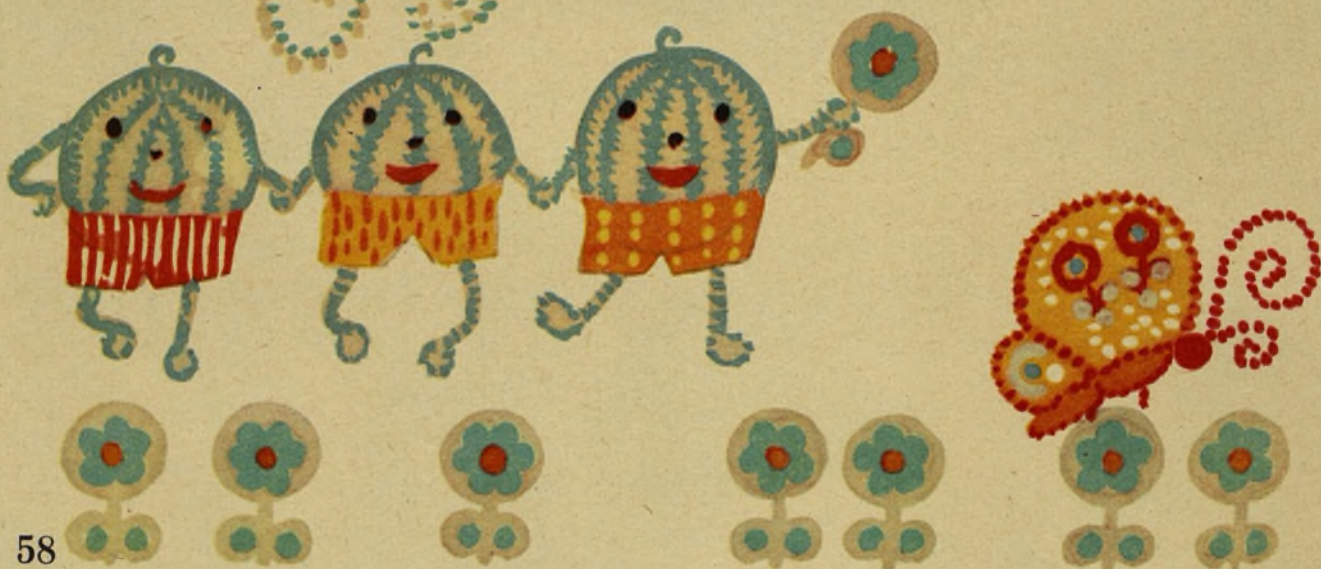
Есть приток у Волги —
Кама,
Впадает Кама
В Волгу прямо.
И есть приток у Камы —
Белая.
Но она совсем не белая:
Берега в лесах
Зелёные,
И прозрачная вода.

Пароходы ходят белые,
И облака над Белой —
Белые,
Но сама она не белая.
А бывает белой Белая,
Когда всё бывает белое:
Берега в сугробах — белые,
И метели кружат белые,
Вот когда
Бывает белою
Белая сама.

Арбузики

На солнце
Греют пузики
Арбузы-карапузики!
В штанишках полосатых
Они рядком лежат.
На солнце
Загорает
Арбузный детский сад!

Алексей Домнин

ДЕРЕВЯННЫЕ СКАЗКИ

Все мы любим придумывать. Но самый большой выдумщик — лес, природа. Иногда корни упавшей ели бывают так перевиты, словно они — гнёзда деревянных змей и драконов. Самые удивительные фигурки можно найти среди корней.

Так появились на моей книжной полке придуманные самой природой олени, пираты, лешие... Порой мне кажется, что не в лесу они найдены, а пришли из разных, ещё никем не рассказанных сказок.

Про царя Нептуна и цепных акул, которые умерли от смеха

— Отсохни моя нога, если я совру, — сказал однажды Зюйд-Вест, и нога его отсохла. Левая, одетая в тяжёлый башмак. С тех пор по-другому начинает старый моряк рассказы о своих приключениях:

— Отсохни твоя нога, если я совру.

И раскуривает трубочку.

— Нет моря, которое не избороздил бы я вдоль и поперёк, нет острова, где не ступал бы мой башмак. И, честно говоря, изрядно надоел я владыке морских глубин лысому царю Нептуну. Любому царю обидно, если в его владениях гуляют посторонние.

Однажды заплыл я на дырявом паруснике в голубую бухту и бросил якорь. И угодил Нептуну прямо на лысину. Ткнулся старик бородой в водоросли, и на зелёном лбу его всплыла лиловая шишка. Взвыл Нептун и хлестнул плащом по воде. Море сразу вспучилось огромной лохматой волной и проглотило парусник. Еле вынырнул я, наглотавшись солёной воды.

Волна слизнула с ближнего острова сухое дерево. Влез я на него и повесил тельняшку на кривой корень сушиться.

А Нептун обнюхал утонувший кораблик, пошлёпал его по днищу, отвинтил компас и спрятал в карман. Мне сверху хорошо видно, как он по дну ползает. Раскурил я трубочку, устроился поудобнее и запел:

Я целил тигру в жёлтый глаз,
Слона с тропы сбивал,
Мне смерть грозила много раз,
Но я на смерть плевал.

Услышал меня морской владыка и ещё сильнее позеленел от обиды. Согнал он трезубцем морских коров и стал их доить. Столько молока надоил, что стало море молочным и поднялся над ним густой молочный туман. Такой густой, что захлебнуться можно. А мне совсем не хотелось захлёбываться.

Отломил я от кривого корня дубинку и стал на неё туман наматывать. Быстро-быстро бью по нему дубинкой, так, что он в сметану взбивается.

Сбежались рыбёшки большие и маленькие, хватают сметанные капли, рвут их в клочья. И у самого Нептуна слюнки потекли, вынырнул он и таращит глаза-стекляшки.

— Что ты делаешь с моим туманом?

— Сметану сбиваю, — говорю и, причмокивая, слизываю вкусную пену с дубинки. — Спасибо, морской царь, за угощение.

Нептун бородой затряс:

— Всё равно я тебя сгублю! И будешь ты лежать среди красных кораллов у моего трона, и косточки твои морской чёрт вымоет солью и выскоблит камнями.

Швырнул он трезубец к чёрным тучам. Пронзил трезубец тучу и высек молнию. И хлынул ливень, да такой, что каждая струйка толщиной в плеть. Табак в трубке промочило — не рас-

курить. Перехватил я одну ливневую струйку, другую, третью и переплёл их в жгут. Четвёртую, пятую к ним прихлестнул. Вью из ливня верёвки и хлещу по волнам, вью и хлещу, словно кнутами.

А на дне — паника. Морской ёж закатился под брюхо морской свинье. Из чёрной дыры под скалой выпрыгнул морской чёрт, зажал уши и задёргал хвостом. Рыбы, увидев чёрта, совсем ошались и заплывали кверху брюхом. Нептун носится среди своих подданных и не может их успокоить.

А я напеваю:

Пускай сто тысяч чёрных гроз
Хохочут мне в лицо,
Схвачу я молнию за хвост,
Скручу её в кольцо...

И тогда, совсем рассвирепев, спустил Нептун с цепей страшных своих телохранителей — голодных акул. Выскочили они из воды рычащей сворой.

В дереве моём было дупло. Втиснулся я в него, не заметив, что там муравейник. Вцепились мне в спину растревоженные муравьи—взвыл я и выскочил из дупла, сгребая их с себя горстями.

А тут первая акула, разрезав плавником волну, выпрыгнула, как торпеда, и зубы её щёлкнули у самого моего носа. Ушла

она в глубину. А другая уже бьёт хвостом воду, как пропеллером. Я швырнул ей в глаза горсть муравьёв. Остановилась она, разинув пасть. Я ещё пригоршню сыпанул ей прямо в горло. Другие акулы увидели, что я их сестрицу чем-то кормлю, подплыли все разом и растворили пасти, словно петь собрались.

— Нате вам за жадность вашу, нате!

Чуть не весь муравейник я выгреб из дупла и высыпал акулам в глотки. Муравьи набились им под языки, понаползли в желудки. И ну щипать и жалить! Цепные акулы затрясли ошейниками и захохотали от боли и щекотки. Одни бросились чесаться об острые камни и распороли себе брюхи, другие передохли от хохота.

У бедного Нептуна руки опустились и глаза потускнели. Приказал он морскому чёрту похоронить акул с почестями, а тех, что ещё живы, отправить в сумасшедший дом. Вылез ко мне на бревно и засопел:

— Чего тебе надо в моих морях-океанах, чего ты ищешь?

— Сам не знаю,—говорю.—Есть на свете ветер—я не могу без него жить. Есть неведомый берег—я должен его увидеть. Мне надо всё и ничего не надо.

Нептун почесался, выплюнул муравья из бороды и вздохнул:

— Ты хитёр и силен, и я устал с тобой бороться. В моих морях лежат несметные сокровища. Я отдам тебе половину, и ты станешь моим советником и главнокомандующим над морскими сворами.

Так сидели мы на бревне посередине моря и беседовали.

— Глупый ты царь,—сказал я ему.—Самое большое на свете сокровище—свобода. И ни на какие богатства я её не променяю. Отдавай-ка мне компас, который ты украл с утонувшего парусника, и убирайся к своим морским чертям.

Нептун махнул зелёной лапой, отдал компас и плюхнулся в пучину. А я растянул, как парус, тельняшку и поплыл к неведомым берегам.

Отсохни твоя нога, если я вру.

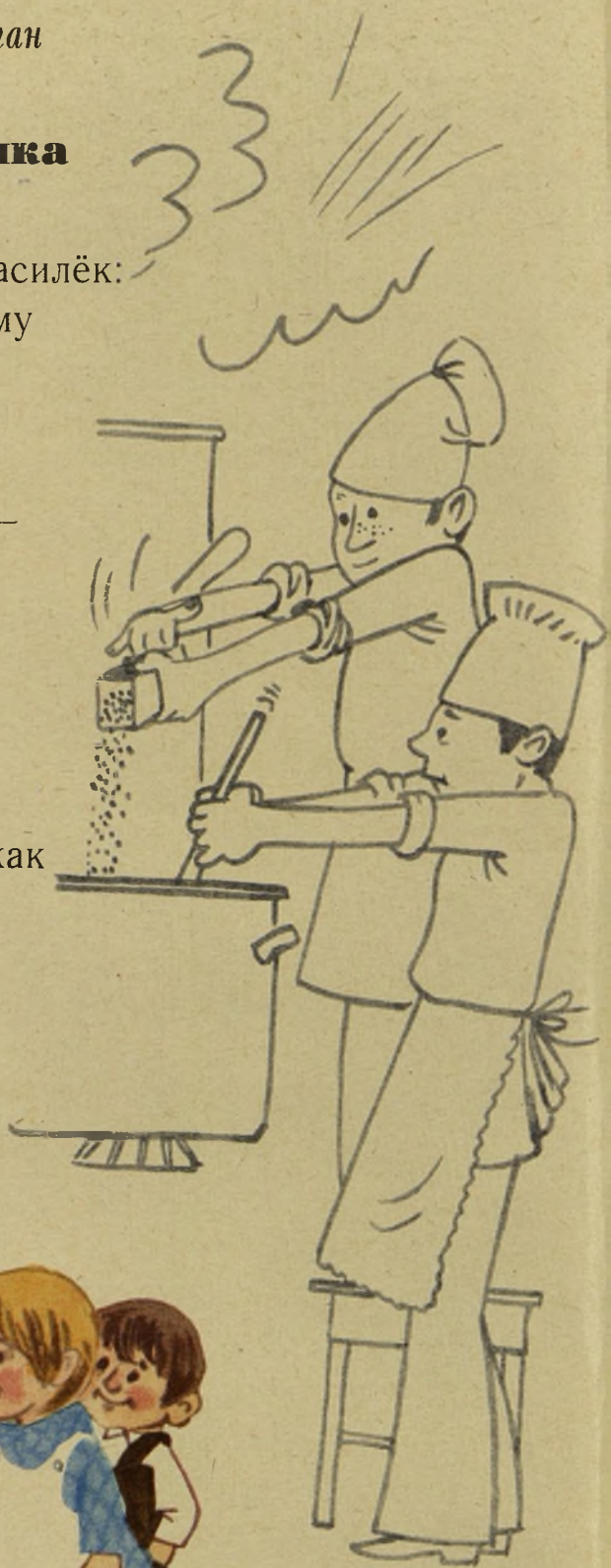
Семён Коган

Кокорёшка

Объясняет Василёк:

— По-морскому
Повар — кок!
И, выходит,
Поварёшка
По-морскому —
Кокорёшка,
Повариха —
Кокориха,
Поварята —
Кокорята!..

Вот смешно как
По-морскому
Получается,
Ребята!

Месяц высыпал в сады
Серебро из бороды.
Вышло солнце в небеса
И сказало: «Чудеса!
Пропадает зря добро,
Соберу-ка серебро!»

Этот рослый огородник
В огороде не работник.
Целый день за солнцем бродит,
Со светила глаз не сводит.
Не за это ли светило
Чуб ему позолотило?

Этот дом
Мне знаком:
Там зима
Под замком.

Лев Давыдычев

Капризный Вася и послушный пёс Атос

Рассказ

Вася — ребёнок

Прожил Вася на свете уже целых два года. И за этих целых два года Вася многому научился. Не всё ещё у него хорошо получалось, но Вася старался. И чем больше Вася старался, тем лучше у него всё получалось.

Умел Вася ходить, говорить, есть. Но больше всего Вася любил капризничать. Это у него здорово получалось.

Не знал Вася, что капризничать — дело совсем плохое. Ему казалось, что капризничать — дело очень интересное.

Сидит Вася за столом, ест. Ест, ест, больше уже не может. Наелся.

Тогда Вася как—стук ложкой по тарелке!

Тарелка раскололась.

Мама как—стук Васю по затылку!

Папа ногой как—топ-топ-топ!

Вася—реветь.

— Марш в угол, негодный ребёнок!—приказывает мама.

В углу Васе хорошо, только неинтересно и обидно. Стоит Вася в углу, ноет, хнычет, пищит, повизгивает.

А Васю заставляют просить прощения. А просить прощения—тоже очень неинтересно и тоже обидно.

И Вася не просит прощения, пока чаю попить не захочет. Захочет Вася чаю попить, тогда и прощения попросит.

Простят Васю, чаю ему нальют.

Пьёт Вася чай, пьет, пьет, больше уже не может. Напился.

— Вот какой хороший мальчик,—говорит мама.

— Пора спать,—говорит папа.—Вася, бай-бай.

Укладывают Васю в кровать.

Лежит Вася в кровати, но спать и не собирается.

Хорошо в кровати, только неинтересно и обидно. Как в углу. Одна разница: в углу стоишь, а в кровати лежишь.

Вот если бы наоборот: в углу лежать, а в кровати стоять.

Сказано—сделано! Встаёт

Вася и радостно кричит, громко кричит.

— Спать, спать, спать,—говорит мама и укладывает Васю обратно в кровать.

Вася кричит лёжа, но уже не радостно, а обиженно.

— Не обращай на него внимания,—говорит папа,—покапризничает и уснёт.

Как бы не так!

Так бы не как!

Отшлёпают Васю.

Плачет Вася.

Ещё отшлёпают Васю.

Плачет Вася.

Никто не обращает на Васю внимания.

Устанет Вася реветь и уснёт с горя.

— Ребёнок стал совсем капризным,—грозно скажет папа.

— Хорошо, что хоть в детских яслях не капризничает,—грустно скажет мама.

Но вот Вася стал капризничать и в детских яслях.

Вася — поросёнок

Никто не знает, кто учит детей капризничать. Кто?

Говорят, что бабушки и дедушки, папы и мамы.

Но это неверно: не все бабушки и дедушки, не все папы и мамы учат детей капризничать.

Да кто же их учит капризничать?

Дети учатся капризничать сами. Им очень нравится капризничать. Капризничать им интересно. Захотел — заревел. Уговаривайте меня, успокаивайте меня, конфет обещайте!

Но в детских яслях тёти-воспитательницы не уговаривают, не успокаивают, конфет не обещают, а говорят родителям:

— Ваш ребёнок ведёт себя плохо. Примите меры.

И Васиному папе сказали:

— Ваш ребёнок ведёт себя плохо. Кашу ел руками. Компот вылил на стол и хлопал по нему ладошками. Вымазлся, как поросёнок. Грыз карандаш. Примите меры.

Папа вывел Васю на улицу и сказал:

— Не стыдно тебе? Ведёшь себя, как поросёнок.

— Хрю-хрю,—весело ответил Вася.—Хрю-хрю.

Прохожие смеются. Папа сердится: неприятно ему, что его сына за поросёнка принимают.

А Вася знай себе хрюкает. А папа его за руку тянет, чтобы быстрее Васю домой привести.

А Вася вырвался, на землю упал, прямо в грязь.

Упал и лежит.

— Вставай, безобразник!—приказывает папа.

А Вася лежит.

— Ну и лежи,—говорит папа,—поросята грязь любят.

Но Васе лежать уже неинтересно. Вставать — тоже неинтересно.

Шла мимо старушка, наклонилась к Васе, спросила:

— Что с тобой, миленький?

— Хрю-хрю, — жалобно ответил Вася.

— Капризничает, — объяснил папа. — Решил, что он поросёнок. Кашу руками ел. Карандаш грыз. Компот пролил.

— Вот он какой весёленький! — обрадовалась старушка. — Поросёнок так поросёнок. Ничего страшного. Вставай, миленький, вставай, хорошенький. Как тебя звать?

— Хрю-хрю, — ответил Вася.

— Вот и хорошо, — сказала старушка, — вот и умница.

И опять папа потянул Васю за руку, чтобы его скорее домой привести. И опять Вася захрюкал на всю улицу.

Пальто у него было в грязи, лицо в грязи — весь он был грязный.

Пришли папа с Васей домой, увидела мама Васю, руками всплеснула, спросила:

— Что это с ним?

— Это с ним грязь, — ответил папа. — Лежал около лужи. Решил, что он поросёнок.

— Неужели? — испугалась мама.

— Хрю-хрю, — ответил Вася и встал на четвереньки.

Поросёнком быть очень интересно. Интересней, чем ребёнком. Ползал Вася по полу, ползал, хрюкал Вася, хрюкал и лбом о ножку стола стукнулся. Заревел Вася.

— Нет, ты не реви, — сказал папа, — а хрюкай.

Но как плачут поросята, Вася не знал и ревел по-человечески.

Отшлёпали его, поставили в угол. Требовали, чтобы Вася просил прощения.

Стоял Вася в углу и хрюкал. Жалобно хрюкал.

Надоело Васе хрюкать. Начал Вася рыдать. Надоело Васе рыдать. Пошёл Вася просить прощения.

Простили Васю, позвали чай пить.

Пили все чай, пили, больше уже не могли. Напились.

— Пойдём, Вася, спать, — сказала мама. — Бай-бай, Вася.

Повели Васю укладывать в кровать. Уложили Васю в кровать.

А лежать в кровати неинтересно. А спать тоже неинтересно.

Глаза у Васи закрываются, а он их открывает. Хотел Вася хрюкнуть, но зевнул. Зевнул Вася и уснул, крепко-накрепко уснул.

Все ребята — поросята

На другой день в детских яслях был скандал. Вася научил всех ребят хрюкать.

Сначала захрюкала младшая группа. Потом захрюкала средняя группа. Потом захрюкала старшая группа.

Все захрюкали.

Все ребята стали поросятами.

Всем попало.

Всем родителям сказали:

— Ваш ребёнок вёл себя безобразно. Примите меры.

А Васиному папе сказали так:

— Самый главный поросёнок — ваш сын. Такой ребёнок нам не нужен. Примите меры, иначе мы Васю больше к нам не пустим.

Ведут ребят домой, а ребята хрюкают. А ребята в грязь лезут. А ребят родители шлёпают. Все ребята плачут. Все родители сердятся.

Идёт папа, тянет Васю за руку и думает. И ничего папа придумать не может.

И мама ничего придумать не могла.

А Вася сидел на полу и знай себе хрюкал.

Хрюкать — очень интересно.

Папа молчал.

Мама молчала.

Устал Вася хрюкать. Надоело ему быть поросёнком. Захотелось Васе быть Васей.

Пошёл Вася к папе и попросил прощения.

Подошёл Вася к маме и попросил прощения.

Папа с мамой сразу повеселели.

— Идёмте тогда в гости, — сказал папа. — Раз Вася снова стал Васей, можно идти в гости.

— Там большая-большая собака, — сказала мама. — Зовут её Атос.

— Но он не кусается, — сказал папа. — Он добрый и послушный. Он никогда не капризничает, потому что он большой. А капризничают только маленькие.

— Не вздумай хрюкать,—сказала мама.— Атос не любит поросят.

Вася так испугался, что всю дорогу в трамвае молчал и лишь изредка тихо говорил:

→ Атос... Атос... Атос...

Вася — пёс Атос

Но боялся Вася зря. Всё оказалось так, как рассказывали папа с мамой.

Атос был большой-большой пёс, белый-белый, с чёрными и рыжими пятнами.

Уши у него были длинные и рыжие и не торчали вверх, а висели.

Больше всего Васе понравился у Атоса хвост. Замечательный хвост! Он всё время двигался, будто Атос им разговаривал.

Атос сам подошёл к Васе, приветливо помахал своим замечательным хвостом, обнюхал Васю и протянул ему лапу — дескать, давай дружить.

— А... а... атос,—заикаясь от страха, сказал Вася и потрогал лапу.

— Сидеть,—приказал хозяин.

И Атос сел, шевеля хвостом, будто подметал пол.

— Лежать,—приказал хозяин.

И Атос лёг, помахивая хвостом.

— Вот какой послушный,—сказал папа.

— Вот если бы Вася был таким,—сказала мама.

Васе очень захотелось быть Атосом. Но где взять хвост? А без хвоста быть Атосом не очень интересно.

Но чем больше Вася смотрел на Атоса, тем больше ему хотелось быть Атосом. Вася несколько раз подходил к нему и четыре раза погладил его.

Конечно, Васе было страшно: ни разу в жизни не видел Вася такой огромной собаки!

Вдруг со стола упал кусок сахара, и Атос бросился к нему.

Хозяин сказал:

— Фу!

И Атос остановился, и отвернулся от куска сахара.

Вася взял из вазы кусок сахара, сказал:

— Фу!

И положил кусок обратно, и отвернулся.

Нет, быть Атосом даже и без хвоста— очень интересно.

Интересней, чем поросёнком.

Интересней, чем ребёнком.

И Вася громко залаял. Атос удивлённо посмотрел на Васю, перестал махать хвостом.

Тогда хозяин приказал:

— Голос!

И Атос ответил:

— Гав! Гав! Гав!— да так громко, что Вася закрыл уши ладонками.

И Вася решил стать Атосом. Не знал ещё Вася, как это трудно. Труднее, чем поросёнком. Труднее, чем ребёнком.

Хозяин сказал:

— Пора спать, Атос. На место!

И Атос ушёл в коридор, и лёг на свою подстилку, и свернулся клубком, и уснул. Даже с гостями не попрощался.

— Ах, какой послушный пёс!— говорила мама дорогой.— Если бы Вася был таким!

Пришли домой, разделись, умылись, и папа сказал:

— Пора спать, Вася. На место!

И Вася залез в кровать, и лёг, и свернулся клубком, и уснул.

Утром Васю разбудили, Вася хотел зареветь, но вспомнил, что он Атос, и не заревел.

Сели завтракать. Вася полез рукой в банку с вареньем. Мама сказала:

— Фу!

И Вася убрал руку, и взял ложку.

— Молодец, Вася,— сказал папа.

— Я Атос,— сказал Вася.

— Голос!— приказала мама.

— Гав! Гав! Гав!— ответил Вася, да так громко, что папа с мамой закрыли уши ладонями.

Но быть Атосом было очень трудно. Гораздо труднее, чем поросёнком. Гораздо труднее, чем ребёнком.

Но Вася старался.

Стали ребята друг в друга кубиками бросать, Вася схватил кубик, замахнулся и — сказал:

— Фу!

И начал Вася из кубиков строить башню.

Очень трудно быть Атосом, но зато интересно. Вася даже перестал жалеть, что у него нет хвоста.

Давайте делать игрушки! Как? А вот так.

Попросите у мамы немного гороху и фасоли, положите в чашку, залейте водой и поставьте на ночь. Проснётесь утром — а материал для работы уже готов. Запаситесь ещё тонкой проволокой, кусочками пробки, деревяшками. Вот теперь принимайтесь за работу.

Можно сделать много смешных человечков, зверюшек, птиц — а, значит, и Оляпку тоже!

Вот, например, цыплёнок: фасолина — туловище; горошина — голова; шея, ноги и клюв — из проволоки. А подставка — кусочек пробки.

Семён Коган

Ти-та-та-та!

Кто эту песенку
Сочинил?
Мастер, который
Часы починил.
Песенка эта
Очень проста —
Пел ее мастер:
— Ти-та-та-та!
Мастер отлично
Часы починил,
Крышку захлопнул —
Про песню забыл.
Песне на волю
Не выйти никак.

Стрелки запели:
— Ти-та-та-так!
Папа часы
Получил в мастерской,
Папа довольный
Шагает домой,
Идёт, напевает
Песенку в такт:
— Ти-та-та!
— Ти-та-та!
— Ти-та-та-так!
Мама сказала:
— Какой ты чуда-
к!
Что ты распелся
«Ти-та-та-так»?
Мама сказала,
Что папа чуда-
к,—
И тут же запела:
— Ти-та-та-так!

Мне нравится
Песенка эта,
И я
Охотно её
Подарю вам,
Друзья.
Пойте со мной
Веселее
Вот так:
— Ти-та-та!
Ти-та-та!
Ти-та-та-так!

Случай в зоопарке

Прилетела Оляпка в зоопарк. И при ней случилось там таинственное происшествие. Сначала всё было спокойно. Посетители разглядывали зверей, звери занимались своими домашними делами. Воробьи клевали зёрна на дорожках.

Стая перелётных птиц опустилась отдохнуть на деревьях зоопарка.

И вдруг одна женщина вскрикнула, схватилась за голову и упала в обморок. В другой аллее старичок-учёный тоже вскрикнул и сел прямо на землю, протирая глаза. И в то же время потеряли сознание жирафы под деревом и три кенгуру.

Оляпка тоже хотела в обморок упасть, но передумала: вдруг закроешь глаза — и что-нибудь интересное пропустишь!

Ну, так что же привело гостей и обитателей зоопарка в такое волнение?

Геннадий Солодников

Птичье имечко

ПУСТЕЛЬГА

— Пустельга-а...

Скажут так о ком-нибудь, презрительно скривив губы, да ещё и рукой махнут. Значит, человек тот пустой, неинтересный. Мало от него людям пользы.

Часто я слышал это слово. Да и сам нередко говорил. Хорошее слово — звучное, хлёсткое!

Слышал я, что и птица есть такая — пустельга. Правда, долго не знал, какая она на вид, как живёт. Но так и считал: зряшная это птица, если и вреда от неё нет, то и проку никакого.

Вам-то я без утайки выложу: пустельга — хищник.

Ну, значит, и впрямь она никудышная. Бить её надо, гнёзда зорить...

Ой, не торопитесь! Очень это нехорошо — толком не узнав кого-то, плохо о нём говорить.

Да, пустельга — птица хищная. Но не вредная. «Хищная» и «вредная» — это вещи разные. Есть полезные хищные птицы.

Будете летом в поле или в лугах, приглядитесь внимательней — и вы увидите пустельгу. Она небольшая, примерно с галку. Спинка у неё рыжеватая, голова и хвост — серые. Клюв круто загнут крючком.

Пустельга подолгу сидит на вершине сухого дерева, на телеграфном столбе или кончике жерди в стогу сена. Кажется, что она дремлет. Но это обманчиво. Птица зорко следит за тем, что делается вокруг неё на земле. Вот она резко сорвалась вниз, серой стрелой мелькнула над самой землёй и взмыла в небо. С непривычки можно ничего больше и не заметить. Но знайте: в цепких лапах птица унесла мышь.

Иногда пустельга носится над полем и звонко кричит: «кли-кли-кли». Или останавливается в воздухе и, трепеща крыльями, повисает над жнивьем. Это она тоже высматривает добычу.

Тем и полезна пустельга. Она уничтожает полевых грызунов. Вот только имечко ей досталось не по характеру.

ЗИМОРОДОК

Как-то сидел я с удочками на лесной речке. Осень уже вовсю разгулялась, оголились прибрежные ивняки. Только напротив, на глинистом яру, трещали под ветром остатки осинової листвы да пламенели гроздьи рябины.

Клёв был ленивый, поплавки неподвижно застыли на студёной воде. Поглядывал я на них изредка, лишь на всякий случай.

Может, поэтому и не заметил, как она прилетела. Торчавший из воды сучок только что был пуст. А теперь на нём сидит голубовато-зелёная птичка—зимородок. Вот уж на самом деле с неба свалился!

Сам маленький, чуть побольше воробья, а солидный такой. Нахохлился, на меня даже не глядит. Равнодушно этак лишь на воду посматривает. Хвост куцый, зато голова как голова—большая, и клюв тяжёлый. Словно не по годам серьёзный парнишка в зеленоватой кепке с мелким тёмным крапом.

Есть у меня такой сосед в деревне—Петюнька. Холодно уже на дворе. Маленькие ребяташки по избам сидят, постарше в школе. А Петюнька один себе у ворот на брёвнах ладит что-то или скачет верхом на высоком стебле репейника. А то по улице ходит—деловитый, насупленный. В резиновых сапожках, тяжёлая

кепка на самые глаза сползла. Мужичок, настоящий мужичок пяти лет. Ветер пронзительный, с севера, а Петюнька домой не идёт, знай посвистывает мокрым носом...

Недолго дремал зимородок на суку. Как кувырknётся в воду! Я удивиться не успел, а он уже на галечнике сидит. В клюве рыбка серебрится. Мотнул он головой, стукнул рыбку о камешек и — раз, проглотил. Потом встрепелулся и полетел низко-низко над водой, покрикивая: «пиик... пиик...».

Иногда можно услышать такой шуточный разговор:

— Ну, и шуба у тебя, — говорит один.

— На рыбьем меху, — гордо отвечает другой. А сам идёт в холодном плаще.

А вот зимородок «рыбий мех» любит. Гнездо своё—норку в береговом откосе—он устилает рыбьими чешуйками. На самом деле—и мягко, и тепло.

В иные зимы эта птичка задерживается в наших краях до больших морозов. Возможно, поэтому её и называют зимородком.

МУРАВЬИ

СЛОВА Е. ТРУТНЕВОЙ

МУЗЫКА Л. МЕЛЯ

ЦЕ-ЛЫЙ

ДЕНЬ СУТ-РА ДО НО-ЧИ, ОТ ЗА - РИ И ДО ЗА - РИ В ЧАС-ТОМ

ЕЛЬ - НИ - КЕ ХЛО - ПО - ЧУТ СИ - ЛА - ЧИ ВО - ГА - ТЫ - РИ .

КАЖ - ДЫЙ ТА - ЩИТ ПО БРЕВ - НУ, БОЛЬ - ШЕ ИХ О - НОВ ДЛИ - НУ! СТРО - ЯТ,

СТРО - ЯТ ДОМ ПОД ЕЛЬ - Ю С Э - ТА - ЖА - МИ КА - РУ СЕЛЬ - Ю БЕЗ О -

КО - ШЕК, БЕЗ КРЫЛЬ - ЦА, БЕЗ НА - ЧА - ЛА, БЕЗ КОН - ЦА .

НЕ НАЙ - ДЕШЬ НА ЦЕ - ЛОМ СВЕ - ТЕ СИ - ЛА - ЧЕЙ ТА - КИХ, КАК Э - ТИ, ТРУ - ДО -

- ВОЙ ТА - КОЙ СЕМЬ - И . КТО - ЖЕ Э - ТО ? МУ - РАВЫ !

Муравьи

Целый день, с утра до ночи,
От зари и до зари
В частом ельнике хлопчут
Силачи-богатыри.
Каждый тащит по бревну —
Больше их оно в длину.
Строят, строят дом под елью
С этажами каруселью,
Без начала, без конца,
Без окошек, без крыльца.
Не найдёшь на белом свете
Силачей таких, как эти,
Трудовой такой семьи.
Кто же это?
Муравьи!

Галина Николаева

ПРО ЯКАЛО-МОЁКАЛО

Сказка

Жило-было на свете ужасное существо Якало-Моёкало. Рот у него был до ушей, живот огромный, раздутый, как пузырь, а ножки тоненькие и коротенькие. Говорило Якало мало, а больше бляло: «Мне-е-е! Мне-е-е!»

Тяжело стало Якалу носить живот на тоненьких ножках, и думает Якало: «Залезу-ка я в человека. Пусть меня носит».

Жила-была на свете девочка Дуня-нюня.

«Вот, — думает Якало, — подходящая девочка».

Собралась Дуня-нюня зареветь, раскрыла рот, а Якало прыгнуло в рот, забралось внутрь и забляло: «Мне-е-е! Мне-е-е!» А за ним и Дуня-нюня протянула: «Мне-е-е! Мне-е-е!»

Вышла Дуня на улицу, видит: идёт доктор, несёт чемоданчик с лекарствами — и затинула: «Мне-е-е!». «Зачем тебе, глупая девочка, лекарство?» — удивился доктор. «Мне-е-е!» — тянула Дуня-нюня. «Ну что ж с тобой делать?!» — сказал доктор. — Бери, раз уж тебе так хочется». Взяла Дуня-нюня лекарства, пузырьки перебила, порошки рассыпала и пошла дальше.

Идёт и видит: высоко в небе самолёт летит. Посмотрела Дуня на самолёт и затинула: «Мне-е-е!» — да так громко, что лётчик услышал, посадил самолёт и спрашивает: «Зачем тебе, глупая девочка, самолёт? Ведь ты не лётчик!» «Мне-е-е! Мне-е-е!» — тянула Дуня-нюня. «Ну, что ж с тобой делать?» — сказал лётчик. — Полезай в самолет, раз уж тебе так хочется!»

Залезла Дуня-нюня в самолёт, испортила мотор, вылезла и пошла дальше. Идёт и видит: мороженщик везёт тачку с мороженым. Тут Дуня-нюня совсем с ума сошла. Она так громко закричала: «Мне-е-е! Мне-е-е!», — что мороженщик испугался, бросил мороженое и убежал. Принялась Дуня-нюня мороженое есть. Съела всё мороженое и захворала. Испугалась Ду-

нина мама и побежала за доктором. Доктор говорит: «Я бы рад вылечить Дуню-нюню, да она у меня все лекарства перепортила. Надо за лекарствами в другой город на самолёте лететь».

Побежала Дунина мама к лётчику, а лётчик говорит: «Я бы рад полететь за лекарствами, да у меня Дуня-нюня самолёт испортила. Надо самолёт чинить».

Стал лётчик самолёт чинить, а Дуне-нюне всё хуже да хуже. А вместе с Дуней-нюней и Якало-Моёкало захворало.

Говорит Якало-Моёкало Дуне-нюне: «Ох, плохо мне! Захворало я от твоего мороженого! Это ты виновата,—зачем ты сразу всё мороженое съела?»

Отвечает Дуня-нюня Якалу: «Нет, Якало-Моёкало, это ты виновато. Зачем ты в меня залезло? Вылези из меня, пожалуйста!» «Куда же я полезу?—захныкало Якало-Моёкало.—Я теперь больное стало. Мне поправляться надо».

Мимо лягушка скакала. «Полезай в лягушку,—сказала Дуня-нюня.—Поправляйся в ней». Не полезу я в лягушку,—сказало Якало.—Лягушка холодная, а я и без неё от твоего мороженого насквозь промёрзло».

Мимо ёж шёл. «Полезай в ежа,—сказала Дуня-нюня.—Поправляйся в нём». —«Не полезу я в ежа,—ответило Якало. Ёж—колючий, а у меня и без него всё тело колет».

Мимо баран шёл. «Полезай в барана,—сказала Дуня-нюня.—Поправляйся в нём, он тёплый и мягкий». —«Ну, в барана, так и быть, полезу»,—согласилось Якало-Моёкало, вылезло из Дуни-нюни и влезло в барана. Баран заблеял: «Мне-е-е! Мне-е-е!»—и пошёл носить Якало-Моёкало по всему свету.

Вскоре лётчик починил самолёт, привёз доктору лекарства. Доктор вылечил Дуню-нюню, Дуня стала здоровой, а нюней быть перестала. Дуня больше никогда не ревела—боялась, как бы Якало-Моёкало снова в неё не залезло.

Сколько поросят?

Оляпкин приятель, второклассник Петя, укладывал в корзину поросят: одного пяточком вперед, хвостиком назад; следующего хвостиком вперед, пяточком назад; потом пяточком вперед, хвостиком назад.

Так и укладывал, пока не увидел, что в одну сторону три пяточка торчат, а в другую—три хвостика.

Сколько поросят уложил Петя в корзину?

Аркадий Глазков

Заячья теплушка

Суровой северной зимой, когда от холода трещали вековые сосны, на лесной полянке вспыхнул факел—сжигали газ, который отводили от нефтяных пластов. Красные языки пламени метались, то отгоняя ночь, то отступая перед нею. Снег вокруг факела начал понемногу таять, и вскоре вокруг негаснущего костра зазеленела трава.

Мы возвращались с дальней буровой и, проходя мимо факела, заметили на зелёной лужайке белые хлопья. Что бы это могло быть? Конечно, не снег—он же здесь растаял.

Подошли ближе. Белые хлопья зашевелились, запрыгали и исчезли в темноте. Зайцы! Прибегали погреться и полакомиться зелёной травкой.

Оказывается, к огню зайцы быстро привыкли и несколько не боялись его. К тому же около факела они чувствовали себя в безопасности: едва ли волк или лиса пожалуют сюда.

Так нефтяники, сами того не ожидая, организовали заячий курорт на лесной полянке.

Галина Долина

Я И ВАСЯ

У вагона на вокзале
Папа с мамой нам сказали:
«Уезжаем по делам,
Привезём гостинцев вам.
Береги братишку, Вася!»
Брат мой Вася—в пятом классе
Только мы пришли домой—
Говорит мне братец мой:
«За тобой следить три дня
Нет охоты у меня!
Написал тебе плакаты—
Их сиди учи пока ты:

"Чем-нибудь займись, давай,
А ко мне не приставай."

Если скучно, то от скуки
Можешь выложить мне
Брюки!"

"Кто не выключит утюг—
Тот беспамятный идиот!"

"Если хочешь рисовать,
Не бери мою тетрадь!"

"Ужкуда не уходи,
Сядь на место и сиди!"

Брат прибил плакат последний
И кричит мне из передней:
«Ты побудь один, браток,
Я ненадолго, на каток!»
И захлопнул с треском дверь.
Что же делать мне теперь?
«Порисую!» — я решил.
На столе карандаши,
Но тетрадь нельзя мне брать —
Стал на стенке рисовать!
А потом поел компоту.
Стало очень скучно что-то.
Ладно, думаю, поглажу!
Веселее стало даже:
По штанам утюг плывёт,
Как по Каме пароход!
Загудел я, закричал:
«Ту-у-у! Отдать концы!...»
Причал:
Прокалил дыру утюг.
Вдруг
Ужасный слышу стук.
Брат кричит:
«Открой скорей,
Ключ забыл я от дверей!»
Я кричу: «Замок тугой!»
Он кричит: «Поддай ногой!»
Я кричу: «Давай нажмём!»

Он кричит: «Поддень ножом!»
Я кричу: «А где твой нож?»
Он кричит: «Ищи — найдёшь!»
Я кричу: «Нашёл! Иду!»
Он кричит: «Скорей! Я жду!»
Я кричу: «Ну, вот! Сломал!»
Он кричит: «Я так и знал!»
А потом кричит сосед:
«Что за шум!? Терпенья нет!»
А потом кричит соседка:
«Хулиганство! Ну и детки!»
А потом кричит весь дом:
«Это что тут за содом!
Ключ потерян от дверей?
Вызывайте слесарей!...»
А пока ждут слесарей,
Ваське я пишу скорей,
Раз такие беспорядки —
На его пишу тетрадке:

"Если б был хороший брат ты,
Не писал бы мне плакаты,
А со мною бы побыл, был!"
Если б брат хороший был!"

ОТВЕТЫ НА ОЛЯПКИНУ «УГАДАЙКУ»

Огурцы. Трактор. Ноты. Роса. Коса. Холодиль-
ник. Зёрна в колосе. Волны. Небо. Сом. Подсол-
нух. Вилы и мётлы. Телефон. Парусник. Копна.
Три поросёнка.

Василий Бирюков

Утром и вечером

Лягушонок на пруду
Лопушком прикрыл звезду.
Поутру открыть спешит,
Глядь — там солнышко лежит.

Ребятишки, друзья мои!

Скоро нам прощаться.

Мне напомнила об этом Последняя Страничка. Всякие страницы есть в такой книжке, как «Оляпка». Есть весёлые и есть серьёзные. Есть забавные и есть грустные. Есть страницы-скромницы—есть раскрашенные задаваки, есть страницы-подружки—и страницы-учительницы... Но есть ещё одна. Она похожа на нянечку из школьной раздевалки, которая подгоняет малышей:

— Живей, живей! Хватит уж на сегодня-то, и начитались, и напелись, и на головах находились. Ступайте-ка по домам.—А сама делает сердитое лицо и помогает растеряхам найти калоши и варежки.

Мне понятно,
что вы
БЛАГОДАРИТЕ
ВСЕХ
ХУДОЖНИКОВ,
ВСЕХ
ПИСАТЕЛЕЙ,
ВСЕХ
НАБОРЩИКОВ
И ПЕЧАТНИКОВ,
КОТОРЫЕ
ДЕЛАЮТ
МОИ книжки .
Потому
я НОС НЕ ЗАДИРАЮ,
А ПРОСТО
ОЧЕНЬ
РАДУЮСЬ ,
ПОЛУЧАЯ
ВАШИ
ХОРОШИЕ
ПИСЬМА .

Оляпка

Вот и в моей книжке есть такая добрая ворчунья. Это Последняя Страничка. Она-то и помахала мне: пора, мол, разболталась ты, Оляпка; чего не досказала—в следующий раз доскажешь. И сделала вид, что сердится. А я-то знаю: ей просто грустно быть в книжке последней, не радуются ей ребята. Только, говорят, успеешь книжку полюбить—Последняя Страничка тут как тут! Будто просил её кто!

Ну, а как же иначе-то, дорогие мои читатели-придиры?

Это ведь только у сказки про белого бычка ни конца, ни начала. А у всех остальных сказок, стихов, рассказов и песен обязательно должен быть конец. Хороший или печальный—но должен быть.

Значит, нет и книжек без конца, без Последней Странички. И не надо огорчаться, повстречавшись с нею: впереди у нас ещё много-много интересных книг. А если книжка очень полюбилась, её всегда можно перечитать снова. Как делает это Тамара Мехтиева из города Баку: «Я много раз перечитывала всю книгу,—пишет она в своём письме,—и она мне всё равно не надоела».

О какой книге пишет Тамара?

Об «Оляпке».

Тесёмочки у папки, в которой хранятся ваши письма, завязываются с трудом—так этих писем много. Хорошо, что водяные воробьи—птицы скромные, а то бы я давно зазналась.

В этих письмах много стихов. Написал стихи Саша Прудников из Перми. Надя Осипова написала из города Катайска Курганской области. Женя Кузнецова из города Бора Горьковской области, две Гали—Гагарина и Федосеева—из деревни Чазово Пермской области. Юра Мед-

ведев из сибирского города Ангарска и другие ребята тоже стихи написали.

Второклассница из города Очёр Пермской области прислала такие стихи:

Весёлая Оляпка пришла домой ко мне,

Весёлая Оляпка, хорошая вполне...—

и нарисовала меня, да не просто так, а в защитном скафандре!

А рядом кот! Чёрное ухо, серое брюхо. И будто я этому черноухому-серобрюхому говорю:

— Ну, чего облизываешься? Я всё равно в защитном скафандре!

Вот ведь как славно—теперь у меня скафандр есть. Не знаю, удобно ли будет в нём по Космосу путешествовать, а вот здесь, на земле, от злых черноухих котов он обязательно спасёт. А кому за это спасибо сказать—не знаю: девочка из Очёра своё имя забыла поставить и фамилию не написала. Знаю только, что живёт она в доме № 9 на улице Боровой.

«Ты обязательно попадёшь в Космос. Скафандр для тебя будет воздушный шарик, который ребята носят на праздник»,—написала Саша Углова из города Кунгура Пермской области.

А Саша Выгузов из Краснокамска нарисовал не только скафандр, но ещё и ракету, и вездеход. Яков Паньков из деревни Федосов Хутор тоже нарисовал Оляпку в ракете и написал: «Оляпка, жаль, что ты улетаешь! Но нечего горевать, ты скоро вернёшься».

Девочка Ира из посёлка Кочёво вот что сочинила:

Оляпка-водолазик,
Нырни ещё хоть разик,
Нырни ещё хоть разик
И напиши рассказик.

А вот стихи Алёши Гончарова из посёлка Селенгинск Бурятской АССР:

Оляпка — писатель,
Оляпка — почтальон.
Везде проходит этот
Подводный почтальон,
И книжки и открытки
Везде разносит он.

Стихов много — и рисунков много. Всех, кто прислал мне свои рисунки, и не перечислить. Одного только мальчика назову. Он нарисовал ракету, которая стоит на красной земле и нацелена в синее небо, а вокруг зелёные кусты и зелёные люди. Не иначе, как пограничники. И написано: «Петя Опарин, 5 лет. Напишите ответ».

Может, Петя хотел узнать, понравился ли его рисунок? Вот тебе, Петя, ответ: «Хороший рисунок, молодец».

Часто рисуют ребята самолёты и танки с красными звёздами, бойцов с автоматами. И на всех этих рисунках наши бойцы побеждают врагов. Ребята знают, какая большая и трудная была война с фашистами, как много советских людей погибло, защищая от врагов родную землю. Саша Павлин пишет, прочитав рассказ «Оляпка на острове фашистов»:

«В нашем городе Николаеве тоже были фашисты, но их давно уже всех перебили. В городе есть памятники героям-морякам и пионерам-героям Вите и Шуре. Я часто там бываю».

Правильно, Саша. Надо знать имена тех, кто сложил свою голову за свободу нашей Родины. Надо расти такими же смелыми, какими были они. А в вашем городе или селе, ребята, есть памятники землякам-героям? Что вы о них знаете? Напишите.

Интересное письмо прислал Вова Климов из посёлка Берёзова Старица Красновишерского района:

«Я под окном кормлю синичек и зову их «Оляпками». Все синички—мои «Оляпки», и они все меня знают. Вот стихи, которые я сочинял весь вечер:

А у койки на стене
Твой портрет, Оляпка.
Рисовал я сам тебя,
А повесил папка.
На картинке у меня
Ты, Оляпка, весела»...

Пусть простит меня Вова, и другие ребята пусть не обижаются, что не могу напечатать их письма полностью. Этих писем столько, что из них одних можно без труда составить пять таких книжек, как «Оляпка». Поэтому привожу я здесь только некоторые из них. Вот они:

«У меня есть братишка Сергей. Он учился во втором классе. Он был сначала ленивый, но когда я ему дала прочитать рассказ «Дышладор—страна лентяев», то Сергей совсем изменился и не стал больше лениться».

*Наташа Месьянинова из посёлка
Байкальск Иркутской области.*

«Меня зовут Катя. Я живу в Африке. Учусь в третьем классе».

Вот куда залетела моя книжка! В Африку!

«Мне понравился рассказ «Как кот Васька в третий класс перешёл». Меня тоже зовут Васька, но я его на год старше. Сейчас я учусь в 4-м классе, а он в 3-м классе».

*Вася Дейнега из совхоза «Горный»
Красноярского края.*

«Вот мои загадки:

Его просят, его ждут, а придёт—прятаться начнут.

Без языка живёт, не ест, не пьёт, а говорит и поёт.

Не знаю я, кто эти трудные загадки отгадает. Я ещё хотел тебе, Оляпка, загадать трудные загадки, да вот ты, Оляпка, не отгадаешь, а только обидишься на меня».

*Слава Клягин
из города Перми.*

Почему же обижусь? Если я не смогу отгадать твоих загадок, то ребята помогут. Правда, ребята? А вот вам и ещё загадки, от Люды Ревенко из Гайнского района Пермской области:

«Чёрный конь прыгает в огонь.

Утка ныряла, ныряла — хвост в воде потеряла».

«Оляпка, я отгадал одну загадку из твоей второй книжки: «Ничего не болит, а всё стонет». Это поросёнок. Когда я был маленький, мне загадали эту загадку, и я думал, что это наша бабушка. Все надо мной долго смеялись. Но теперь я большой, мне 9 лет, и я теперь знаю, что это такое».

*Валерий Котловский из села Юрты
Тайшетского района Иркутской области.*

«Я взяла книжку и узнала, что ты любишь путешествовать. А мне не удаётся».

*Люда Убугунеева из посёлка Усть-Орда
Иркутской области.*

По-моему, напрасно ты, Люда, огорчаешься: у тебя и у всех остальных ребят столько впереди интересных путешествий и по родным лесам-полям, и по соседним городам, и по своей земле, и даже по далёким заграничным странам, сколько мне и не снилось никогда!

«Мой рассказ про Оляпку.

Летела оляпка, а навстречу оляпке девочка идет: «Оляпка, оляпка, синегрудая оляпка, чистые пёрышки, передай привет Пермскому издательству, «Оляпке».

*Лидя Токачёва из посёлка Усть-Паль
Осинского района Пермской области.*

«Я когда читала книгу, то всё смеялась, а ночью мне приснилось то, что я прочитала в этой книге».

*Люба Фуринова
из села Кикнур Кировской области.*

«Книгу «Оляпка», интересно, можно выписывать или только покупать?» — спрашивает Витя Черных из города Лысьвы Пермской области.

Этот вопрос волнует не только Витю.

Отвечаю всем: «Оляпку» можно получить через магазин «Книга-почтой». Адрес у него такой: Город Пермь, улица Пионерская, 16.

«Я хочу тебе написать, что я очень люблю писать письма! Я живу в деревне Кониплотино, а ты, Оляпка, в Перми. И от Кониплотино до Перми 120 километров».

*Наташа Козлова
из Сивинского района Пермской области.*

«А я живу в посёлке Орёл. Этот посёлок мне очень нравится тем, что в нём много разных птиц, река Кама и ещё много другого».

*Таня Юшкова
из посёлка Орёл Пермской области.*

«Оляпка, ты летаешь везде. Но почему ты не прилетаешь к нам в село Крохалёво! Очень тебя просим: прилетай. Наше село стоит на берегу речки Кырдымки. Чтоб лететь к нам, надо пролететь после Перми станцию Менделеево, потом город Кудымкар, дальше село Юсьва, а потом будет Крохалёво. Знаешь, зачем позвала я тебя? Потому что наша речка Кырдымка впадает в Каму, по которой ты летала смотреть Камское море. Вот как это делается: Кырдымка впадает в нашу большую реку Иньву. Иньва — в Каму. В Кырдымке у нас водятся краснопёры, окуни, ерши, налимы, щуки, караси и юньги. Приезжай, Оляпка, я жду тебя».

Тома С.

«Оляпка, приезжай к нам в Берёзовку на день птиц».

*Лида Титова из села Берёзовка
Пермской области.*

Неприменно прилечу! А ещё я хочу побывать в городе Чебоксары на улице Юлиуса Фучика, в доме № 37, в квартире № 17. Там живёт девочка Таня, которая очень любит птиц и заботится о них. Вот что она написала:

«Зимой я вешаю кормушки. Когда я сыплю корм, птицы меня не боятся. Один раз был сильный мороз, все птицы залетели в окно».

«Однажды я шёл по поляне — и вижу медведя. Он пилит дерево, чтобы перейти реку. Что такое? Он подходит ко мне и говорит: «Тебе надо через реку перейти?» Я отвечаю: «Да, мне надо перейти через реку». — «Вот тебе мостик, переходи».

Не знаю, понравился рассказ или нет?

*Женя Горбунов из города Березники
Пермской области.*

«Меня зовут Оля. Я живу в Марийской АССР, в деревне. У меня есть много друзей, с ними всегда весело. Особенно, Оляпка, я люблю свою подругу Зою. Недавно мы принимали первоклассников в октябрюта. Я держала красное знамя и очень радовалась. Мы шефствуем над октябрютами, они весёлые и дружные».

*Оля Алексеева из деревни Широкундыш
Медведевского района МАССР.*

Очень приятно было мне читать письмо Оли Алексеевой. Но есть в ребячьих письмах строчки, которые меня очень огорчили. Такие строчки, например:

«В нашем классе есть одна девочка Люда. Она часто бегаёт на улице до двенадцати ча-

сов... Она меня даже один раз искупала в снегу! Она высокая (выше всех в классе) и бегают быстро, догнала меня и толкнула в снег и засыпала снегом лицо».

*Валя Тарасюк из посёлка Чепец
Чердынского района Пермской области.*

Или вот ещё:

«Мальчики у нас плохие, всегда у них драки, нехорошие слова, курят».

Тамара Чернышева из Ныроба.

«У нас в классе девочки часто ссорятся. Почему они не могут жить, чтобы не ссориться?»

Валя Ильиных из посёлка Усолка.

Что же ответить на такие письма?

Конечно, я от души советую девочкам из Усолки быть дружными, потому что дружить и делать вместе всякие интересные дела—гораздо веселее, чем дуться, ссориться по пустякам и жить в одиночку. Конечно, я хочу очень серьёзно предупредить мальчиков из Ныробской средней школы: «Дорогие мои мальчики! Если вы и дальше будете курить, ругаться и обижать друг друга, вряд ли получатся из вас смелые и хорошие люди, а если получатся—на что я очень надеюсь,—то с большим трудом, потому что с вредными привычками легко сжиться, да тяжело расстаться». А про Люду из посёлка Чепец мне и говорить не хочется—до того обидно читать такое: девочка обижает тех, кто меньше её! Мне для такой даже сердитых слов жалко. Вот только непонятно: почему это терпят Валя и её подружки? Ведь их много, а Люда, хоть и большая, да одна.

«Оляпка, я желаю тебе успехов и здоровья, Не попадай в зубы щуки».

*Наташа Краснова из города Бобруйска
Белорусской ССР*

Спасибо, Наташа, за доброе пожелание.

Ну, вот и окончен наш сегодняшний разговор. Жду от вас новых писем с загадками, вопросами, рассказами. Адрес помните? Город Пермь, улица Карла Маркса, дом 30, Пермское книжное издательство. Оляпке.

До новых встреч, дорогие мои друзья!

ГОРОД ПЕРМЬ,
УЛИЦА
КАРЛА МАРКСА,
ДОМ 30,
ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Фейерабенд. ОЛЯПКА. Стихи. <i>Рис. В. Аверкиева</i>	5
Аркадий Гайдар. СОВЕТСКАЯ ПЛО- ЩАДЬ	7
ПОХОД. Рассказы. <i>Рис. В. Авер-</i> <i>киева</i>	9
С. Маршак. КРАСНАЯ СТРАНИЦА. Стихи. <i>Рис. В. Аверкиева</i>	11
Л. Давыдычев. ДОЧЬ РЕВОЛЮЦИИ. Рассказ. <i>Рис. В. Аверкиева</i>	12
Юрий Трифонов. ТЕПЛОВОЗ. Стихи. <i>Рис. В. Аверкиева</i>	14
Иван Панькин. ТУЛЬСКИЙ СКАЗ. <i>Рис. В. Вагина</i>	15
Семён Коган. СТАНЦИЯ ПЕТУХИ. Стихи. <i>Рис. Л. Юрчатовой</i>	20
Оляпкина «Угадайка». НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ. <i>Рис. С. Можяевой</i>	22
Вит. Бианки. ПЛАВУНЧИК. Рассказ. <i>Рис. М. Светлакова</i>	24
Ирина Пивоварова. ГРИБ	29
СОЛНЦЕ-КОЛЕСО. Стихи. <i>Рис.</i> <i>Л. Юрчатовой</i>	30
Виктор Астафьев. СТРИЖОНОК СКРИП. Рассказ. <i>Рис. В. Кадочни-</i> <i>кова</i>	31
Виктор Попов. ГРОМ	39
ГРАД. Стихи. <i>Рис. В. Кадочни-</i> <i>кова</i>	40
Борис Ширшов. ЛОПУШОК. Рассказ. <i>Рис. С. Можяевой</i>	41
КЯК МЫ ЖИЛИ НЯ ДИЧЕ. Рассказ. <i>Рис. С. Можяевой</i>	46
В. Орлов. СОЛЁНЫЙ КАПИТАН	47
ЦАП, ЦАП, ЦАП	48
УЖАСНЫЙ СОН. Из английской народной поэзии. Стихи. <i>Рис. С. Мо-</i> <i>жяевой</i>	49
Музыкальная шкатулка Оляпки. ДОЖ- ДИК. Слова Е. Трутневой. Музы- ка Л. Меля. <i>Рис. А. Тумбасова</i>	50
Анатолий Тумбасов. КАК ВИДИТ ХУ- ДОЖНИК. Рассказы. <i>Рис. автора</i>	52

Оляпкина «Угадайка». Тимофей Бело- зёров. ЗАГАДКИ. Рис. С. Мож- аевой	56
Мих. Садовский. БЕЛАЯ — НЕ БЕ- ЛАЯ	57
АРБУЗИКИ. Стихи. Рис. Л. Юрча- товой	58
Алексей Домнин. ДЕРЕВЯННЫЕ СКАЗКИ. ПРО ЦАРЯ НЕПТУНА И ЦЕПНЫХ АКУЛ, КОТОРЫЕ УМЕРЛИ ОТ СМЕХА. Рис. С. Мо- жаевой	59
Семён Коган. КОКОРЁШКА. Стихи. Рис. С. Можжаевой	66
Оляпкина «Угадайка». Лев Куликов. ЗАГАДКИ. Рис. С. Можжаевой	67
Л. Давыдычев. КАПРИЗНЫЙ ВАСЯ И ПОСЛУШНЫЙ ПЁС АТОС. Рассказ. Рис. С. Можжаевой	68
ОЛЯПКИНА ВЕСЁЛАЯ МАСТЕР- СКАЯ. Рис. Е. Нестерова	77
Семён Коган. ТИ-ТА-ТА-ТА! Стихи. Рис. С. Можжаевой	78
СЛУЧАЙ В ЗООПАРКЕ. Рис. С. Мо- жаевой	80
Геннадий Солодников. ПТИЧЬЕ ИМЕ- ЧКО. Рассказы. Рис. В. Кадочникова	82
Музыкальная шкатулка Оляпки. МУ- РАВЬИ. Слова Е. Трутневой. Му- зыка Л. Меля. Рис. Л. Юрчатовой	86
Галина Николаева. ПРО ЯКАЛО-МО- ЁКАЛО. Сказка. Рис. Л. Заботина	89
СКОЛЬКО ПОРОСЯТ? Рис. С. Мо- жаевой	94
Аркадий Глазков. ЗАЯЧЬЯ ТЕПЛУШ- КА. Рассказ. Рис. Л. Заботина	95
Галина Долина. Я И ВАСЯ. Стихи. Рис. Л. Заботина	96
Ответы на Оляпкину «Угадайку» . .	98
Василий Бирюков. УТРОМ И ВЕЧЕ- РОМ. Стихи. Рис. Е. Нестерова	98
Оляпкина почта. Рис. Е. Нестерова	99

Редактор-составитель А. Г. Зебзеева
Редколлегия: В. И. Воробьев, Л. И. Давыдычев и
Л. И. Кузьмин
Обложка, форзац и титул С. П. Можяевой
Макет и техническое редактирование В. В. Вагина
Художественные редакторы М. В. Тарасова и В. В. Вагин
Корректоры Е. П. Божанова, С. С. Нестерова

Сдано в набор 22/XII 1967 г. Подписано в печать 20 февраля 1970 г.
Формат бумаги офсетн. № 2 60×90¹/₈. Печ. л. 14; бум. л. 7; уч.-изд. л. 10,24.
Тираж 150 000 экз. 1-й завод 85 000 экз. Цена 85 коп. Пермское книжное изда-
тельство. Пермь, К. Маркса, 30. Типография газеты «Звезда», ул. Дружбы, 34.
Заказ 150.

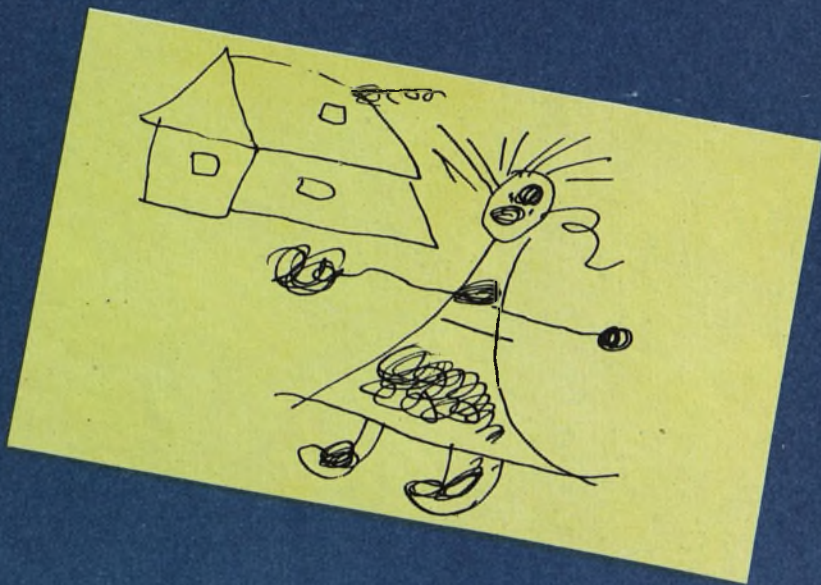

2 Теринь
Олянке

ЗДРАВСТВУЙ ОЛЯПКА
Я МАЛЕНЬКАЯ
ДЕВОЧКА ВЕРА
Я НЕ УТУСЬ
НО УЖЕ ГОТОВ-
НА СТАТЬ
НИЦЕЙ

Теринь
Олянке

2 Теринь
Олянке

Теринь
Олянке

Теринь
Олянке

Моя любимая
в жизни кем
буду когда
вырасту Сашень

Цг НА 85 коп.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1970